

Весенний скандал

Автор:

Лиза Клейпас

Весенний скандал

Лиза Клейпас

Желтофиоли #4Шарм (АСТ)

Целых три сезона на лондонской «ярмарке невест» – и ни одного достойного кандидата в супруги! Позор для Дейзи Боумен и ее семьи!

Чтобы исправить положение, отец Дейзи намерен самолично отыскать мужа для дочери. Но какая уважающая себя девушка вступит в брак с отчаянным Мэтью Свифтом, о бешеном нраве которого ходят легенды?

Дейзи в ужасе от предстоящей свадьбы!

Однако первая же встреча с женихом рассеяла все ее страхи. Ведь «дикарь и варвар» Мэтью в действительности – смелый и сильный мужчина, не искушенный в светских нравах, но хорошо представляющий, как сделать женщину счастливой...

Лиза Клейпас

Весенний скандал

Пролог

– Я принял решение относительно будущего Дейзи, – объявил Томас Боумен жене и дочери. – И хотя Боумены не любят признавать поражения, приходится считаться с реальностью.

– И какова эта реальность, папа? – спросила Дейзи.

– Ты не создана для британского высшего света. – Нахмурившись, отец добавил: – Или высший свет не для тебя. От твоих поисков мужа у меня одни убытки. Ты понимаешь, что это значит, Дейзи?

– Я не оправдала ожиданий? – высказала предположение дочь.

Дейзи никак не выглядела на свои двадцать два года. Черноволосая, маленькая, стройная, она была по-детски живой, порывистой и непосредственной. Другие девушки к ее возрасту уже превращались в рассудительных молодых дам. Забравшись с ногами на диван, Дейзи сейчас походила на забытую в углу фарфоровую куклу. Боумена раздражало, что дочь держит на коленях книгу, заложив пальцем страницу. Дейзи явно ждала, когда отец закончит нотацию, чтобы продолжить чтение.

– Убери книгу.

– Да, папа.

Украдкой посмотрев номер страницы, Дейзи отложила книгу в сторону. Этот жест задел Боумена. Книги, книги... Печальное зрелище для человека, которому приходится признать неудачу дочери на ярмарке невест.

Попыхивая внушительной сигарой, Боумен сидел в мягком кресле в гостиничном номере, который семья снимала уже больше двух лет. Его жена Мерседес устроилась рядом, на плетеном стуле с высокой спинкой. Боумен, дородный, крепкий мужчина, фигурой напоминал бочку. Он был лыс, но обладал роскошными усами, такими пышными, словно все волосы сосредоточились на верхней губе.

Мать Дейзи в невестах была необычайно стройной девушкой. С годами она становилась все тоньше, так со временем тает кусочек мыла. Ее блестящие

черные волосы всегда строго зачесаны назад, манжеты рукавов туго обтягивают запястья, столь тонкие, что казалось, их можно переломить, как березовый прутик. Внешне спокойная, она была сгустком нервной энергии.

Боумен никогда не жалел, что выбрал в жены Мерседес. Ее устремления полностью совпадали с его собственными амбициями. Она неуклонно стремилась к поставленной цели и посвятила себя тому, чтобы Боумены заняли достойное место в обществе. Это Мерседес настояла на том, чтобы привезти дочерей в Британию, поскольку девочки не могли пробиться в высший свет Нью-Йорка. «Мы шагнем через головы», – решительно сказала Мерседес. Так и вышло, старшая дочь добилась успеха.

Лилиан сумела-таки подцепить лорда Уэстклифа, обладателя огромного состояния и одного из старейших титулов королевства. Граф стал прекрасным приобретением для семьи. Но Боумену не терпелось вернуться в Америку, к своему мыловаренному производству. Если бы и Дейзи могла прибрать к рукам титулованного мужа, это бы уже произошло. Пора сокращать убытки.

Размышляя о своих пятерых детях, Боумен удивлялся, почему они так мало похожи на него. Он и Мерседес деятельные, целеустремленные, а все три сына вялые, флегматичные, довольные жизнью и совершенно уверенные в том, что все само упадет им в руки, как спелый плод. Дочь Лилиан, похоже, единственная унаследовала немного воинственного духа родителей... но она женщина, и от ее энергичного нрава для фамильного дела нет никакой пользы.

А теперь еще Дейзи. Из всех своих детей Боумен понимал ее меньше всего. Даже в детстве она не делала правильных выводов из его рассказов и постоянно задавала не относящиеся к делу вопросы. Когда он объяснял, почему инвесторам, стремящимся сократить риски и увеличить доходы, следует вкладывать средства в государственные долговые облигации, Дейзи перебивала его:

– Папочка, вот было бы здорово, если бы колибри устроили бал, а мы были такие маленькие, что нас пригласили, правда?

Дейзи долгие годы доблестно сопротивлялась усилиям отца перевоспитать ее. Она нравилась себе такой, какой была, и попытки изменить ее были равносильны намерениям собрать вместе порхающих бабочек или прибить желе

к дереву.

Поскольку непредсказуемая натура дочери порой доводила Боумена почти до безумия, он нисколько не удивлялся отсутствию мужчин, желающих связать с ней судьбу. Какой Дейзи будет матерью, если станет рассказывать детям про фей, скатывающихся с радуги, как с горки, вместо того чтобы вдалбливать им в головы прописные истины?

В разговор вступила Мерседес, сказав:

– Дорогой, до окончания сезона еще далеко. Я считаю, что Дейзи делает большие успехи. Лорд Уэстклиф представил ей нескольких многообещающих джентльменов, которые чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы породниться с графом, – произнесла она дрогнувшим от напряжения голосом.

– Как я понимаю, все эти «многообещающие джентльмены» видят главный соблазн в том, чтобы стать свояком графу, а не взять в жены Дейзи. – Боумен пристально взглянул на дочь. – Кто-нибудь из них собирается сделать тебе предложение?

– Откуда она знает? – опередила дочь Мерседес.

– Женщины всегда это знают. Отвечай, Дейзи, есть возможность отвести кого-нибудь из этих джентльменов к алтарю?

Девушка заколебалась, в чуть раскосых темных глазах появилась озабоченность.

– Нет, папа, – наконец честно призналась она.

– Так я и думал. – Сплетя пальцы на солидном брюшке, Боумен властно посмотрел на притихших женщин. – Твои неудачи становятся обременительными, дочка. Я имею в виду дорогие платья и прочие безделушки. Мне надоело возить тебя с одного бесполезного бала на другой. Больше того, эта рискованная затея держит меня в Англии, когда мне необходимо быть в Нью-Йорке. Поэтому я решил сам выбрать тебе мужа.

– Кто у тебя на уме, папа? – безразлично посмотрела на него Дейзи.

– Мэтью Свифт.

Дейзи смотрела на отца так, будто тот сошел с ума.

Мерседес судорожно вздохнула.

– Это бессмысленно, Боумен! Это невозможно! От такого брака ни нам, ни Дейзи никакой выгоды. Мистер Свифт не аристократ и не богач...

– Он из бостонских Свифтов, – возразил Боумен. – Вряд ли кто-нибудь сможет задирать перед ними нос. С ним к нам в семью войдут хорошее имя и хорошая кровь. Еще важнее то, что Свифт предан мне. Он один из самых блестящих умов, что я встречал в деловом мире. Я хочу, чтобы он стал мне зятем. И унаследовал мою компанию, когда придет время.

– У тебя есть трое сыновей, которые получают компанию в наследство по праву рождения, – возмутилась жена.

– Бизнес их совершенно не интересует. У них нет к этому склонности. – Подумав о Мэтью Свифте, который десять лет развивался под его руководством, Боумен почувствовал прилив гордости. Мальчишка больше походил на него, чем собственные отпрыски. – Ни у одного из них нет амбиций, целеустремленности и негибкости Свифта, – продолжил он. – Я сделаю его отцом моих наследников.

– Да ты совсем разум потерял! – пылко воскликнула Мерседес, забыв об этикете.

Спокойный тон Дейзи утихомирил угрозы отца.

– Я хочу напомнить, что в этом деле понадобится и мое участие. Особенно тогда, когда дело коснется наследников. Уверяю вас, никакая сила не заставит меня завести детей с человеком, который мне не нравится.

– А я-то думал, что ты наконец захочешь принести хоть какую-нибудь пользу, – проворчал Боумен. – Выйдешь замуж, заведешь собственный дом и прекратишь вести паразитическое существование.

Дейзи вздрогнула, как от пощечины.

– Я не паразит.

– Да? Тогда объясни мне, какая миру польза от твоего существования? Ты хоть для кого-то что-нибудь сделала?

Дейзи, окаменев, смотрела на отца. Как оправдать собственное существование?

– Вот тебе мой ультиматум, – произнес Боумен. – Или ты до конца мая найдешь себе подходящего мужа, или я выдам тебя за Свифта.

Глава 1

– Не надо бы рассказывать об этом, – в тот же вечер сетовала Дейзи, меряя шагами гостиную в Марсден-Террас, лондонской резиденции Уэстклифа. – Нельзя расстраивать тебя в твоём положении, но я не могу держать это в себе, иначе я просто взорвусь, а это огорчит тебя ещё больше.

Лилиан, её старшая сестра, подняла голову с сильного плеча мужа.

– Расскажи, – сказала Лилиан, морщась от нового приступа тошноты. – Я расстраиваюсь только тогда, когда от меня что-то скрывают.

Она полулежала на диване. Обняв жену одной рукой, Уэстклиф с ложечки поил её лимонным соком с мелко наколотым льдом. Лилиан прикрыла глаза, ресницы темным полумесяцем легли на бледные щеки.

– Лучше? – мягко спросил он, стирая капельки с уголков её губ.

Лилиан кивнула, её лицо было мертвенно-бледным.

– Да, думаю, это поможет. Ох, моли Бога, Уэстклиф, чтобы родился мальчик. Это твой единственный шанс получить наследника. Я больше никогда не...

– Открой ротик, – сказал Уэстклиф и снова сунул ей в рот ложку.

В другое время Дейзи бы растрогала эта семейная сцена. Лилиан редко видели столь беззащитной, а Маркуса таким нежным и заботливым. Но сейчас Дейзи была так поглощена собственными проблемами, что едва замечала трогательные взаимоотношения супругов.

– Папа поставил мне ультиматум, – выпалила она. – Сегодня он...

– Подождите, – остановил ее Уэстклиф, занявшись женой.

Он помог Лилиан лечь, она сильнее прижалась к нему, положив изящную белую руку на выпуклый живот. Уэстклиф прошептал что-то неразборчивое, почти касаясь губами ее разметавшихся черных волос, и Лилиан со вздохом кивнула.

Случайный свидетель этой нежной заботы решил бы, что Уэстклиф полностью переменялся. Граф всегда отличался холодным нравом. Теперь он улыбался, порой даже смеялся и перестал быть суровым ревнителем строгих правил этикета. Для человека, породнившегося с Лилиан и Дейзи, последнее просто необходимо.

Прищуривав карие глаза, такие темные, что иногда они казались черными, Уэстклиф взглянул на Дейзи. Хотя он не произнес ни слова, она прочитала в его взгляде стремление оградить жену от всех и вся, не позволить нарушить ее покой.

Дейзи вдруг устыдилась, что пришла жаловаться на несправедливое решение отца. Нужно было держать свои проблемы при себе, а она прибежала к старшей сестре, как обиженный ребенок. Но когда карие глаза Лилиан открылись, в них было столько тепла. Улыбка светилась в них праздничными огоньками от воспоминаний детства. Близость и привязанность сестер не мог поколебать даже самый заботливый муж.

– Расскажи мне, что сказал этот дракон, наш папочка? – Лилиан уютно устроилась рядом с Уэстклифом.

– Если я до конца мая не найду себе жениха, он выдаст меня замуж по своему выбору. Угадай, за кого? Ну угадай!

– Представить себе не могу, – ответила Лилиан. – Папе никто не нравится.

– А вот и ошибаешься, – запальчиво сказала Дейзи. – В мире есть один человек, которого папа полностью одобряет.

Теперь даже Уэстклиф заинтересовался:

– Я с ним знаком?

– Скоро познакомитесь, – ответила Дейзи, – папа за ним послал. Он прибудет в Гемпшир на следующей неделе поохотиться на оленей.

Уэстклиф рылся в памяти, пытаюсь вспомнить, кого Томас Боумен просил его пригласить на весеннюю охоту.

– Он американец? Это мистер Свифт? – спросил Уэстклиф.

– Да.

Лилиан безучастно посмотрела на сестру, потом со сдавленным стоном уткнулась в плечо мужа. Сначала Дейзи испугалась, что сестра плачет, но скоро стало понятно, что Лилиан не может удержаться от смеха.

– Нет... не может быть... какой абсурд... ты никогда...

– Если бы тебе предложили выйти за него замуж, ты бы так не смеялась, – нахмурилась Дейзи.

Уэстклиф переводил взгляд с одной сестры на другую.

– А что плохого в этом мистере Свифте? Судя по тому, что именно на него пал выбор вашего отца, он вполне приличный человек.

- В нем все плохо, - сквозь смех проговорила Лилиан.

- Но ваш отец ценит его, - сказал Уэстклиф.

- Как только мистер Свифт начнет соперничать с ним и цепляться к каждому слову, это пройдет, - усмехнулась Лилиан.

Обдумывая слова жены, граф зачерпнул новую порцию лимонного сока и поднес к губам Лилиан. Она замурлыкала от удовольствия, когда холодный напиток растекся по горлу.

- Значит, ваш отец не прав, утверждая, что мистер Свифт умен? - спросил Уэстклиф у Дейзи.

- Он умный, - призналась она, - но с ним невозможно разговаривать. Он задает тысячу вопросов, впитывает все, что говорит собеседник, и ничего не дает взамен.

- Может быть, Свифт застенчивый? - предположил Уэстклиф.

Дейзи фыркнула от смеха.

- Уверяю вас, милорд, он не застенчивый. Он... - Дейзи замолчала, сообразив, что ей трудно облечь свои мысли в слова.

Врожденная холодность Мэтью Свифта дополнялась невыносимым высокомерием. Ему никто не мог сказать ничего нового: он знал все. Поскольку Дейзи выросла в семье, члены которой были известны своей бескомпромиссностью, она не видела проку в том, чтобы в ее жизни появился еще один упрямый спорщик.

По мнению Дейзи, то, что Свифт так сошелся с их семьей, говорило не в его пользу.

Будь в нем хоть что-то приятное и привлекательное, это сделало бы его более приемлемым кандидатом в женихи. Но ни в его характере, ни во внешности не было намека на привлекательность: ни чувства юмора, ни внешнего проявления

доброты. Свифт был создан критиковать и разрушать: высокий, непропорциональный, такой жилистый, что руки и ноги казались жердями. Дейзи вспомнила, как сюртук свисал с его широких плеч, словно с вешалки.

- Чем перечислять, за что я его не люблю, - наконец нашлась Дейзи, - проще сказать, что у меня нет причин любить его.

- Его даже симпатичным не назовешь, - добавила Лилиан. - Кожа да кости. - Она похлопала мужа по мускулистой груди, без слов похвалив его фигуру.

- Неужели в нем ничто не подкупает? - удивился Уэстклиф.

Обе сестры задумались.

- У него красивые зубы, - наконец неохотно призналась Дейзи.

- Откуда ты знаешь? - спросила Лилиан. - Он никогда не улыбается!

- Ваши суждения о нем очень суровы, - вставил Уэстклиф. - К тому же мистер Свифт мог измениться с тех пор, как вы видели его в последний раз.

- Не настолько, чтобы я согласилась выйти за него замуж.

- Ты не должна выходить за него, если не хочешь, - горячо сказала Лилиан, повернувшись в объятиях мужа. - Разве не так, Уэстклиф?

- Да, любимая, - пробормотал он, отводя от ее лица упавшие пряди.

- И ты не позволишь папе увезти от меня Дейзи, - настаивала Лилиан.

- Конечно, нет. Всегда можно что-нибудь придумать.

Лилиан стихла, абсолютно уверенная в способности мужа решить все проблемы.

- Тогда беспокоиться не о чем, - пробормотала она. - Уэстклиф все... - Лилиан широко зевнула, - ...устроит.

Увидев, как опустились веки сестры, Дейзи сочувственно улыбнулась. Встретившись взглядом с графом, она жестом показала, что уходит. Граф вежливо кивнул, его внимание было приковано к лицу затихшей жены. Лилиан была для него настоящим сокровищем. Дейзи не могла отделаться от вопроса, посмотрит ли так на нее когда-нибудь мужчина.

Она была убеждена, что Уэстклиф попытается ей помочь хотя бы ради Лилиан. Но, зная несгибаемую волю отца, Дейзи не слишком верила в успех графа.

Конечно, она всеми силами будет сопротивляться нежеланному браку, но на душе скребли кошки от дурного предчувствия, что шансы сложатся не в ее пользу.

Остановившись на пороге, Дейзи хмуро оглянулась на парочку на диване. Лилиан быстро уснула, ее голова тяжело упала на грудь мужа. Поймав несчастный взгляд Дейзи, граф поднял брови в молчаливом вопросе.

– Мой отец... – начала Дейзи и закусил губу.

Уэстклиф – деловой партнер отца, не подобает приходить к нему с жалобами. Но граф терпеливо ждал, и Дейзи продолжила:

– Он назвал меня паразитом, – сказала она, понизив голос, чтобы не беспокоить Лилиан. – И попросил объяснить, какая миру польза от моего существования и что я сделала для других.

– И что вы ответили? – спросил Уэстклиф.

– Я не знала, что сказать.

Уэстклиф жестом поманил Дейзи на диван. Она подчинилась. К ее изумлению, граф тепло пожал ее руку. Обычно сдержанный, Уэстклиф ничего подобного прежде не делал.

– Дейзи, – мягко сказал он, – жизнь большинства не отличается выдающимися событиями. Люди довольствуются малым. Всякий раз, когда вы делаете кому-нибудь добро, когда благодаря вам на лице другого человека появляется

улыбка, это придает вашей жизни смысл. Не сомневайтесь в своих достоинствах, дружок. Без Дейзи Боумен мир был бы унылым местом.

Вряд ли кто-то стал бы спорить, что Стоуни-Кросс-Парк – одно из красивейших мест в Англии. В имении были и густые леса, и усыпанные яркими цветами луга и болота. Крепкий каменный особняк медового цвета возвышался на обрывистом берегу реки Итчен.

Стояла весна, повсюду просыпалась и расцветала жизнь. Бледные ростки пробивались сквозь ковер прошлогодних листьев под вековыми дубами. В лесной чащобе цвели пролески.

Первые кузнечики прыгали с пестрых примул на желтые глазки мать-и-мачехи, прозрачные синие стрекозы кружились над изящными лепестками белых болотных цветов. В воздухе пахло пробудившейся землей и молодой травой.

После двенадцатичасовой поездки, которую Лилиан описала как путешествие через ад, Уэстклифы, Боумены и избранные гости наконец добрались в каретах до Стоуни-Кросс-Парка.

В Гемпшире у неба совершенно иной цвет, его голубизна нежнее, а воздух блаженно тих: ни скрипа колес, ни стука копыт по булыжным мостовым, ни выкриков торговцев, ни фабричных гудков. Словом, ничего того, что обычно терзает уши в городе. Здесь только пение дроздов в живой изгороди, стук зеленого дятла в кронах деревьев да шум крыльев вспорхнувшего в камышах зимородка.

Лилиан, прежде находившая провинцию ужасно скучной, с радостью вернулась в поместье. Она расцвела в атмосфере Стоуни-Кросс-Парка и после первой же ночи, проведенной в особняке, выглядела прекрасно. Теперь, когда беременность уже не скроешь платьем с высокой талией, Лилиан перестала выезжать в свет. В собственных владениях, однако, она чувствовала себя гораздо свободнее, хотя и ограничивала круг гостей.

К радости Дейзи, ее поместили в ее любимой спальне. Прелестная, привлекательная своей стариной комната когда-то принадлежала сестре лорда Уэстклифа, которая теперь с мужем и сыном обосновалась в Америке. Особое

очарование придавала комнате обстановка. Ее привезли из французского замка семнадцатого века и тщательно восстановили старинный интерьер.

Свернувшись калачиком на изящной кушетке с книжкой в руках, Дейзи спряталась от остального мира. О, если бы навсегда остаться в Стоуни-Кросс-Парке и жить вместе с сестрой! Но едва эта мысль пришла ей в голову, Дейзи поняла, что это не принесет ей полного счастья. Она хотела жить собственной жизнью, иметь мужа, детей.

Впервые на памяти Дейзи мать стала ей союзницей. Их объединило стремление предотвратить брак с ужасным Мэтью Свифтом.

- Отвратительный тип! - воскликнула Мерседес. - Не сомневаюсь, это он вбил эту глупость в голову твоему папочке. Я всегда подозревала, что он...

- Что он? - спросила Дейзи, но мать только поджала губы.

Просматривая список приглашенных, Мерседес сообщила дочери, что в поместье собралось множество подходящих молодых людей.

- Хотя некоторые и не прямые наследники титула, но все они из благородных фамилий, - сказала она. - В жизни всякое случается... катастрофы, неизлечимые болезни... несчастные случаи. И тогда твой муж в одночасье может вознестись! - Размышляя о бедах, которые обрушатся на будущих родственников, Мерседес снова углубилась в список гостей.

Дейзи с нетерпением ждала встречи с подругами. Особенно она скучала по Эви, поскольку Аннабелла всецело занялась ребенком, а Лилиан стала слишком медлительной и не могла составить компанию в долгих прогулках, которые Дейзи так любила.

На третий день Дейзи выбралась из своего послеполуденного заточения и решила прогуляться. В голубом муслиновом платье в цветочек и крепких башмаках, размахивая соломенной шляпкой, она весело шла по тропинке, хорошо знакомой ей из прежних визитов в поместье.

Шагая вдоль лугов, пестревших желтыми звездочками чистотела и красными полевыми маками, Дейзи обдумывала свои проблемы.

Почему ей так трудно найти мужчину?

Нельзя сказать, что она не хотела влюбиться. Напротив, она так ждала этого! И ей казалось ужасной несправедливостью, что она до сих пор никого не нашла. Она старалась! Но всегда что-нибудь было не так.

Если джентльмен был подходящего возраста, он оказывался вялым или напыщенным. А если встречался интересный и обаятельный мужчина, то либо годился ей в дедушки, либо у него обнаруживался какой-нибудь недостаток: от него дурно пахло или он брызгал слюной при разговоре.

Дейзи знала, что она не писаная красавица: слишком маленькая и худенькая, и к тому же неугомонная выдумщица. И хотя ей доставались комплименты за карие глаза и темные волосы, подчеркивающие светлую кожу, она часто слышала в свой адрес слова «эльф» или «бесенок». А феи и бесенята не привлекают поклонников в таких количествах, как статные красавицы или миниатюрные Венеры.

Дейзи часто упрекали, что она много времени проводит за книгами, и это, пожалуй, правда. Если бы ей позволили, непременно бы весь день читала и мечтала. Любой разумный аристократ, несомненно, решит, что от такой жены в домашних делах нет никакого толку, и будет совершенно прав.

Дейзи не интересовало, сколько мыла заказать для стирки, когда и чем пополнить содержимое кладовой. Ее гораздо больше привлекали романы, поэзия, история, словом, все то, что вдохновляло полет ее фантазии. Рассеянно глядя в окно, она совершала в воображении удивительные путешествия, полные приключений: пересекала под парусом океан, летала на ковре-самолете, искала клады на тропических островах.

И конечно, в ее мечтах, навеянных историями об удачных героях и благородных разбойниках, появлялись восхитительные мужчины. Воображаемые кавалеры были гораздо интереснее живых особей сильного пола. Они говорили прекрасные слова, были лихими дуэлянтами, от их поцелуев женщины лишались чувств.

Разумеется, Дейзи не настолько наивна, чтобы надеяться, что такие люди действительно существуют. Но увы, приходилось признать, что по сравнению с воображаемыми героями реальные мужчины ужасно... скучны.

Подняв лицо к солнечному свету, пробивавшемуся сквозь кроны деревьев, Дейзи напевала старинную народную песенку «Жалобы старой девы»:

Приди, мудрец, приди, глупец,

Богач, бедняк, поторопись,

Ну хоть из жалости женись!

Скоро она добралась до своей цели – до родника, который прозвали колодцем желаний. Как и другие девушки, не пользующиеся успехом у кавалеров, Дейзи уже не раз сюда приходила. По местной легенде в колодце жил дух, который исполнял желания, если бросить туда булавку. Но нельзя подходить слишком близко – дух может утащить зазевавшуюся девицу, и тогда ей придется вечно жить у него в женах.

Раньше, приходя сюда, Дейзи желала благополучия своим подругам, и ее желания всегда исполнялись. Сейчас волшебство нужно ей самой.

Положив шляпку на траву, Дейзи заглянула в мутную воду. Сунув руку в карман, она вытащила свернутую в трубочку бумажку с булавками.

– Дух колодца, – сказала Дейзи, – поскольку мне не повезло найти такого мужа, о котором я всегда мечтала, я полагаюсь на тебя. Никаких требований, никаких условий. Я хочу, чтобы... человек подходил мне. И готова действовать непредвзято и без предубеждений.

Она вытаскивала булавки по несколько штук и бросала их в колодец. Ярко сверкнув в лучах солнца, булавки исчезали во взбаламученной воде.

– На все эти булавки у меня одно желание, – сказала она духу колодца.

Дейзи долго стояла, сосредоточившись и прикрыв глаза. Тихо, только плещет вода, посвистывает пеночка да гудит стрекоза.

Вдруг сзади раздался треск, словно ветка хрустнула под чьей-то ногой.

Обернувшись, Дейзи увидела направлявшегося к ней мужчину. Он был совсем близко. А она-то думала, что стоит здесь в одиночестве. От неожиданного вторжения незнакомца ее сердце учащенно забилось.

Мужчина был высокий и мускулистый, как муж ее подруги Аннабеллы, хотя гораздо моложе. Наверное, ему нет и тридцати.

– Простите, – сказал он, заметив ее замешательство. – Я не хотел вас напугать.

– Вы меня не напугали, – бодро солгала Дейзи, хотя ее пульс по-прежнему частил. – Я... я всего лишь немного удивилась.

Сунув руки в карманы, мужчина неторопливо подошел к ней.

– Я приехал пару часов назад, – сообщил он. – Мне сказали, что вы отправились сюда погулять.

Мужчина показался ей довольно знакомым: смотрел на Дейзи, ожидая, что она узнает его. Дейзи почувствовала себя виноватой, как всегда случалось, когда она забывала кого-то, кого прежде встречала.

– Вы гость лорда Уэстклифа? – спросила девушка, отчаянно роясь в памяти.

Молодой человек удивленно посмотрел на нее и чуть улыбнулся:

– Да, мисс Боумен.

Он знает ее имя. Дейзи смотрела на него с нарастающим смущением. Она не понимала, как могла забыть такого привлекательного мужчину. Черты лица скульптурные и слишком мужественные, чтобы счесть их красивыми, слишком выразительные, чтобы назвать обычными. Небесно-голубые глаза на фоне загорелой кожи казались еще ярче. В нем было что-то особенное. Энергия жизни бурлила в нем, она была настолько сильна, что Дейзи едва не отступила назад.

Когда незнакомец наклонил голову, на его густых каштановых волосах от солнечных лучей заиграли красноватые блики. Волосы острижены короче, чем предписывает европейская мода. В американском стиле. Да и говорит он с американским акцентом. И этот свежий знакомый запах. Если она не ошиблась, это аромат... мыла «Боумен»?

Вдруг Дейзи сообразила, кто стоит перед ней. И у нее едва не подкосились колени.

- Вы? - прошептала она, не сводя изумленных глаз с Мэтью Свифта.

Глава 2

Должно быть, Дейзи покачнулась, поскольку, шагнув вперед, Мэтью поддержал ее, легко сжав плечи.

- Мистер Свифт! - задохнулась она от возмущения и инстинктивно отпрянула.

- Вы чуть не свалились в воду. Пойдемте со мной.

Он держал ее мягко, но решительно и отвел на несколько шагов от булькающего родника. Раздраженная тем, что ее пасут, как отбившегося от стада гусенка, Дейзи вырывалась из его рук. Некоторые никогда не меняются, мрачно думала она. Мэтью Свифт деспотичен и высокомерен, как всегда.

Дейзи не смогла удержаться и украдкой посмотрела на него. Боже, никогда в жизни она не видела столь разительных перемен. Бывший мешок с костями, как охарактеризовала его Лилиан, превратился в преуспевающего мужчину, пышущего здоровьем и энергией. На нем был элегантный костюм, более свободный, чем туго облегающие тело наряды, которые еще недавно предпочитали модники. Но даже легкие складки ткани не могли скрыть сильную мускулатуру.

Свифт изменился не только физически. Со зрелостью пришла уверенность в себе. Видно было, что он знает себе цену и свои возможности. Дейзи вспомнила,

каким Свифт пришел работать к ее отцу. Тощий, костлявый юнец с холодными глазами в дорогом, но плохо пригнанном костюме и стоптанных ботинках.

«Вот вам типичный бостонец, – снисходительно пояснил отец в ответ на комментарии по поводу поношенной обуви нового работника. – Они заказывают пальто или пару башмаков раз и навсегда. Экономия – это их религия, и они верны ей независимо от того, насколько велико их состояние».

Дейзи вырвалась из рук Свифта.

– Вы изменились, – сказала она, стараясь успокоиться.

– А вы нет, – ответил он. Нельзя было понять, что это: комплимент или критика. – Что вы делали у колодца?

– Я... я думала... – Дейзи пыталась найти разумное объяснение, но так ничего и не придумала. – Это колодец желаний.

Лицо Свифта было серьезным, но глаза предательски блеснули.

– Как я понимаю, вы узнали это из достоверного источника?

– В деревне все сюда ходят, – запальчиво ответила Дейзи. – Это легендарный колодец.

Свифт смотрел на нее, не пропуская ни одной детали. Дейзи всегда это не нравилось. Она почувствовала, как от его пристального взгляда у нее загорелись щеки.

– И какое желание вы загадали?

– Это личное.

– Зная вас, могу сказать: это может быть что угодно.

– Вы меня не знаете, – выпалила Дейзи.

Идея отца выдать ее замуж за человека абсолютно не подходящего ей во всех отношениях... это просто безумие. Брак с ним будет походить на банковскую операцию и обернется разочарованием и взаимным презрением. Совершенно очевидно, что она для него столь же непривлекательна. Свифт никогда бы не женился на девушке вроде нее, если бы не соблазн войти в руководство компании, принадлежавшей ее отцу.

- Наверное, нет, - согласился Свифт.

Но слова прозвучали фальшиво. Он считал, что прекрасно знает, что собой представляет Дейзи. Оба с вызовом взглянули друг на друга.

- Учитывая легендарность колодца, - сказал Свифт, - не хочу упускать счастливую возможность.

Порывшись в кармане, он вытащил большую серебряную монету. Дейзи целую вечность не видела американских денег.

- Полагается бросить в воду булавку, - подсказала она.

- У меня нет булавки.

- Но это пять долларов, - недоверчиво взглянула на него Дейзи. - Вы ведь не собираетесь их выбросить?

- Я их не выброшу. Я сделаю инвестицию. Лучше расскажите, как загадать желание, чтобы деньги даром не пропали.

- Вы надо мной смеетесь.

- Я совершенно серьезен. И поскольку прежде этого не делал, буду рад любому совету. - Свифт дождался ответа, но когда стало ясно, что его не последует, улыбнулся уголками губ. - Я все равно брошу монету.

Дейзи про себя чертыхнулась. Ясно, что Свифт смеется над ней, но она не могла сопротивляться. Желание - это не пустяк, особенно такое, ради которого не жалко пяти долларов.

Подойдя к колодцу, Дейзи отрывисто сказала:

– Зажмите монету в кулаке и держите, пока она не согреется.

Свифт встал рядом с ней.

– А потом?

– Закройте глаза и сосредоточьтесь на том, чего хотите больше всего. Это должно быть личное желание, – она добавила в голос насмешливые ноты, – а не просьба о банковском кредите.

– Я думаю не о бизнесе.

Дейзи окинула его скептическим взглядом, и Свифт удивил ее быстрой улыбкой.

Разве она когда-нибудь видела его улыбающимся? Наверное, раз или два. Дейзи смутно помнила подобные случаи, его исхудалое лицо вечно было мрачным и суровым. Изредка, открывая красивые белые зубы, его губы растягивались в гримасе, имеющей мало общего с искренней радостью. Но сейчас улыбка была иной, немного странной, обезоруживающей и... мучительной.

Дейзи стало значительно легче, когда улыбка исчезла и лицо Свифта приняло прежнее непроницаемое выражение.

– Закройте глаза, – напомнила она, – и выбросьте из головы все, кроме желания.

Его густые ресницы опустились, давая Дейзи возможность без опаски разглядеть его. Это лицо не назовешь милым: резкие черты, упрямый подбородок, нос чуть длинноват.

Но Свифт похорошел. Суровые черты смягчал взмах черных ресниц, в изгибе большого рта таился намек на чувственность.

– Что дальше? – спросил Свифт, не открывая глаз.

Глядя на него, Дейзи ужаснулась охватившему ее порыву подойти ближе и погладить его загорелую щеку.

– Когда образ уверенно запечатлится в вашем уме, открывайте глаза и бросайте монету в колодец.

Ресницы взметнулись, открыв глаза, похожие на яркие огоньки, запертые в голубом стекле.

Не глядя, он бросил монету в самый центр.

Сердце у Дейзи торопливо зачастило. Так случилось, когда она читала самые волнующие сцены в «Несчастьях Пенелопы». Разбойник похитил девушку и заточил ее в башню, пока она не согласится уступить его домогательствам.

Дейзи с первых страниц поняла, что роман глупый. Но это ничуть не уменьшило удовольствия. Она была неприятно разочарована, когда Пенелопу от верного грехопадения спас вежливый златокудрый герой по имени Реджиналд, гораздо менее интересный, чем отрицательный персонаж.

Конечно, перспектива быть запертой в башне, да еще без книг, мало привлекательна. Но грозные монологи разбойника о красоте Пенелопы, его страсть к девушке, насилие, которое он намеревался учинить над ней, чрезвычайно интриговали Дейзи.

Как жаль, что Мэтью Свифт оказался похож на разбойника из ее фантазий.

– Что вы загадали? – спросила она.

Уголок его губ дрогнул.

– Это личное.

Дейзи нахмурилась, услышав повтор собственного ответа, и наклонилась за шляпкой. Нужно избавиться от его нервирующего присутствия.

– Я возвращаюсь домой, – бросила она через плечо, заторопившись в обратный путь. – Всего хорошего, мистер Свифт. Желаю приятной прогулки.

К неудовольствию Дейзи, он в несколько шагов догнал ее и пошел рядом.

– Я провожу вас.

Дейзи не поднимала на него глаз.

– Не стоит.

– Почему? Мы идем в одном направлении.

– Я предпочитаю гулять в тишине.

– Тогда я буду нем как рыба. – Его шаги не замедлились.

Сообразив, что если он что-то вбил себе в голову, то спорить бесполезно, Дейзи поджала губы. Пейзаж – пестрые луга и живописные леса – был по-прежнему прекрасен, но больше не радовал.

Дейзи не удивило, что Свифт проигнорировал ее возражения. Без сомнения, их брак он рисовал себе в таком же свете. Не важно, что она хочет, чего просит, Свифт все равно настоит на своем, не обращая внимания на ее желания.

Должно быть, он думает, что Дейзи неразумное дитя. И с присущим ему высокомерию считает, что ей надо благодарить его за то, что он снизошел до брака с ней. Наверное, Свифт даже не потрудится сделать предложение. Скорее всего он просто бросит обручальное кольцо на ее колени и велит надеть его.

Во время неприятной прогулки Дейзи все время боролась с желанием броситься бежать. На один шаг длинноногого Свифта приходилось два ее шажка. От возмущения у нее перехватывало дыхание.

Эта прогулка стала символом ее будущего. Как бы далеко и быстро Дейзи ни шла, от Свифта ей не отделаться.

Гнетущее молчание стало невыносимым.

- Это вы внушили отцу эту идею? - не выдержала Дейзи.

- Какую идею?

- Хватит притворяться, - раздраженно бросила она. - Вы знаете, о чем я говорю.

- Нет, не знаю.

Похоже, Свифт решил продолжать игру.

- О сделке, которую вы заключили с моим отцом, - выпалила Дейзи. - Вы хотите жениться на мне, чтобы унаследовать компанию.

Свифт остановился так неожиданно, что при других обстоятельствах Дейзи бы рассмеялась. Такое впечатление, что он наткнулся на невидимую стену. Дейзи тоже остановилась и, скрестив на груди руки, повернулась к нему.

Его лицо было непроницаемым.

- Я... - хрипло начал он и, кашлянув, продолжил: - Я понятия не имею, о чем вы говорите.

- Д-да? - запнувшись, спросила Дейзи.

Значит, ее предположение ошибочно: отец еще не открыл свои планы Свифту.

Если бы от стыда умирали, Дейзи тут же испустила бы дух. Теперь ей придется выслушать самый унижительный выговор в жизни. Свифт скажет, что он никогда в жизни не женится на барышне, не пользующейся успехом у мужчин.

В гнетущей тишине шелест листьев и чирикание пеночки казались волшебной музыкой. Хотя мысли Свифта прочитать невозможно, Дейзи чувствовала, что он просчитывает возможности и результаты.

– Мой отец говорил об этом как об улаженном деле, – сказала она. – Я думала, вы обсуждали это во время его недавнего визита в Нью-Йорк.

– Он ни о чем подобном не упоминал. Мысль жениться на вас никогда не приходила мне в голову. И я не стремлюсь унаследовать вашу кампанию. У меня нет таких амбиций...

– Да у вас ничего, кроме амбиций, нет!

– Верно, – сказал Свифт, внимательно посмотрев на нее. – Но у меня нет необходимости жениться, чтобы обеспечить себе будущее.

– Мой отец, кажется, считает, что вы ухватитесь за возможность стать его зятем. И питаете к нему большую личную симпатию.

– Я многому у него научился. – Ответ Свифта был вполне предсказуем.

– Не сомневаюсь, – спрятала смущение за насмешкой Дейзи. – Преподанные им уроки пошли вам на пользу в деловом мире. Но ни один из них не поможет вам в жизни.

– Вы не одобряете бизнес отца. – Фраза прозвучала скорее как утверждение, а не вопрос.

– Да, потому что отец вкладывает в него всю душу и не обращает внимания на тех, кто его любит.

– Но его работа дает вам многие удовольствия и преимущества, – заметил Свифт. – В том числе возможность выйти замуж за британского аристократа.

– Я об этом не просила. И никогда не хотела ничего, кроме спокойной жизни.

– Сидеть в одиночестве в библиотеке и читать? – чуть более любезно поинтересовался он. – Гулять в саду? Наслаждаться компанией друзей?

– Да!

– Книжки дороги. Как и красивый дом с садом. Вам не приходило в голову, что кому-то придется платить за вашу спокойную жизнь?

Этот вопрос так походил на отцовские обвинения в паразитическом образе жизни, что Дейзи вздрогнула.

Свифт заметил ее реакцию, и выражение его лица изменилось. Он начал что-то говорить, но Дейзи резко прервала его:

– Не ваше дело, какую я веду жизнь и кто за это платит. Меня не интересует ваше мнение, и вы не имеете права навязывать его мне.

– Если мое будущее будет связано с вашим, такое право у меня появится.

– Этому не бывать!

– Я всего лишь высказал предположение.

Дейзи терпеть не могла людей, которые пустословили в спорах.

– Наш брак так предположением и останется, – отрезала она. – Отец дал мне время до конца мая на поиски мужа. И я это сделаю.

Свифт смотрел на нее с живым интересом.

– Могу предположить, какого мужчину вы ищете. Светловолосого аристократа, жизнерадостного и чувствительного, с массой свободного времени для джентльменских занятий...

– Да, – прервала его Дейзи, удивляясь тому, что в устах Свифта эти достоинства кажутся ужасно глупыми.

– Я так и думал. – От его самодовольства ее нервы до крайности напряглись. – Единственная причина, по которой девушка с вашей внешностью после трех светских сезонов еще не помолвлена, – это высокие запросы. Вас устроит только само совершенство. Вот почему ваш отец настаивает на своем решении.

Слова «девушка с вашей внешностью» тут же сбили Дейзи с толку. Можно подумать, она настоящая красавица! Решив, что это замаскированный сарказм, Дейзи вспыхнула.

– Я не стремлюсь выйти замуж за совершенство, – сквозь зубы сказала она. В отличие от старшей сестры, которая за словом в карман не лезла, Дейзи трудно было говорить, когда она сердилась. – И прекрасно понимаю, что таких людей нет.

– Тогда почему вы никого не нашли, если даже ваша сестра сумела подцепить мужа?

– Что значит «даже ваша сестра»?

– Разве вы забыли? «Женись на Лилиан – получишь миллион». – Эту возмутительную фразу не раз язвительно повторяли в Манхэттенвилле. – Как вы думаете, почему никто в Нью-Йорке не сделал предложения вашей сестре, несмотря на ее огромное приданое? Она самый страшный кошмар любого мужчины.

Вот оно что!

– Моя сестра настоящее сокровище. Уэстклиф обладает хорошим вкусом и разглядел это. Он мог выбрать любую, но пожелал взять в жены только ее.

Резко повернувшись, Дейзи помчалась по тропинке так быстро, как только позволяли ее маленькие ноги.

Свифт, сунув руки в карманы, легко нагнал ее.

– Конец мая... – задумчиво сказал он, ничуть не задохнувшись от быстрого шага. – У вас почти два месяца. И как вы намерены искать суженого?

– Если понадобится, то встану на перекрестке с плакатом.

– Искренне желаю вам успеха, мисс Боумен. Во всяком случае, я не уверен, что хотел бы ввязаться в это дело за неявкой претендентов.

– И не надейтесь! Смею вас заверить, мистер Свифт, ничто на свете не заставит меня стать вашей женой. Мне жаль бедняжку, которая выйдет за вас. Не могу себе представить женщину, заслуживающую такого холодного и самоуверенного мужа...

– Подождите. – Его тон смягчился, и это можно было принять за начало примирения. – Дейзи...

– Не смейте называть меня по имени!

– Вы правы, это неприлично. Прошу извинить. Я хотел сказать, мисс Боумен, нет никакой нужды во враждебных отношениях. Мы столкнулись с проблемой, которая влечет серьезные последствия для нас обоих. Надеюсь, мы сумеем сохранять благоразумие и найти приемлемое решение.

– Есть только одно решение, – мрачно резюмировала Дейзи. – Вы скажете моему отцу, что категорически отказываетесь жениться на мне при любых обстоятельствах. Пообещайте мне это, и я постараюсь быть с вами любезной.

Свифт остановился. Дейзи пришлось последовать его примеру. Повернувшись к нему, она выжидательно подняла брови. Видит бог, Свифту, судя по его недавним заявлениям, нетрудно дать такое обещание. Но он, не вынимая рук из карманов, смотрел на нее долгим непонятым взглядом. Казалось, Свифт к чему-то прислушивался.

Он окинул ее оценивающим взглядом, и от странного блеска его глаз дрожь пробрала Дейзи до костей. Свифт смотрит на нее, как притаившийся в засаде тигр. Она, в свою очередь, всматривалась в него, пытаясь разгадать ход его мыслей, расшифровать тень удовольствия и ошеломляющую жажду, мелькнувшие на его лице. Но чего он жаждал? Не ее, конечно!

– Нет, – тихо сказал Свифт, словно самому себе.

Дейзи в недоумении покачала головой. Губы у нее пересохли, и пришлось облизать их, прежде чем заговорить. Очень нервировало то, что Свифт заметил это маленькое движение.

- Это «нет» означает... «нет, я не женюсь на вас»? - спросила Дейзи.

- Это значит, что я не обещаю не жениться на вас.

Сказав это, он пошел к дому. Дейзи, спотыкаясь, поплелась за ним.

- Свифт хочет помучить тебя, - с неудовольствием заключила Лилиан, когда Дейзи рассказала всю историю.

Сестры сидели в уютной гостиной Лилиан вместе со своими ближайшими подругами: Аннабеллой Хант и Эви, леди Сент-Винсент. Они познакомились два года назад и составили квартет девушек, которые в то время по разным причинам так и не сумели поймать и отвести к алтарю подходящего жениха.

В викторианском обществе было очень распространено мнение, что женщин с их непостоянной натурой и недалеким умом в отличие от мужчин не может связывать верная дружба. Только мужчины способны на честные, преданные и великодушные отношения.

Дейзи считала это обидным. Ее и других неудачниц, вернее, бывших неудачниц объединяло глубокое доверие. Они помогали и поддерживали друг друга без малейшего намека на соперничество или ревность. Дейзи любила Эви и Аннабеллу почти так же, как Лилиан. Она легко представляла себе, как в старости они вчетвером будут болтать за чаем о внуках и вместе путешествовать. Это будет дружная компания острых на язык седовласых дам.

- Никогда не поверю, что мистер Свифт ничего не знал об этом, - продолжила Лилиан. - Он лжец и заодно с отцом. Конечно, он хочет унаследовать компанию.

Лилиан и Эви сидели у окна в обитых парчой креслах, а Дейзи и Аннабелла, раскинув пышные юбки, устроились на полу. Пухлая малышка с темными кудряшками ползала между ними. Время от времени она останавливалась и, сосредоточенно нахмурившись, подбирала что-то с ковра крошечными пальчиками.

Дочурка Изабелла родилась у Аннабеллы и Саймона Хант приблизительно десять месяцев назад. Похоже, ни одного младенца не любили такой сумасшедшей любовью, как в этой семье.

Вопреки ожиданиям зрелый и мужественный мистер Хант совсем не расстроился, что его первенцем оказалась девочка. Он обожал дочь и, появляясь с ней на публике, ворковал с малышкой, на что отважится редкий отец. Хант даже велел Аннабелле нарожать еще дочерей, игриво заявив, что всегда мечтал быть окруженным женщинами.

Как и следовало ожидать, малышка была просто красавицей. Физически невозможно, чтобы Аннабелла произвела на свет менее красивых отпрысков.

Подхватив вырывающуюся Изабеллу, Дейзи чмокнула ее в пухлую щечку и снова посадила на ковер.

– Вы бы его слышали, – сказала она. – Неслыханная самонадеянность. Свифт решил, что я до сих пор не замужем по собственной вине. Он сказал, что у меня завышенные требования. И прочел лекцию о стоимости моих книг и о том, что кому-то приходится платить за мои удовольствия.

– Как он посмел! – воскликнула Лилиан, ее лицо от возмущения стало пунцовым.

Дейзи тут же пожалела о своих словах. Семейный доктор запретил Лилиан всякие волнения в последний месяц беременности. В прошлом году у нее на ранних сроках случился выкидыш. Лилиан тяжело пережила потерю ребенка. При ее крепком сложении несчастье стало полной неожиданностью. Несмотря на заверения доктора, что ее вины в этом нет, Лилиан впала в меланхолию. Но с помощью Уэстклифа и горячей поддержки подруг она постепенно вернулась к своему обычному веселому нраву.

Снова забеременев, Лилиан стала более сдержанной, опасаясь новой неудачи. К сожалению, она была не из тех женщин, которые расцветают во время беременности. Лилиан то покрывалась пятнами, то ее тошнило. Временами она становилась сварливой, ее раздражали ограничения, которые накладывало ее положение.

– Я этого так не оставлю! – воскликнула Лилиан. – Ты не выйдешь за Мэтью Свифта. Пусть отец только попробует увезти тебя из Англии!

Не поднимаясь с пола, Дейзи, успокаивая, погладила старшую сестру по колену. Глядя на возмущенную Лилиан, она заставила себя улыбнуться.

– Все будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем. Должны придумать.

Сестры были очень близки. В отсутствие родительской любви Лилиан и Дейзи, сколько себя помнили, были друг для друга, пожалуй, единственным источником радости и тепла.

Эви, самая неразговорчивая из четырех подруг, немного заикалась при сильном волнении. Когда девушки два года назад познакомились, Эви заикалась так сильно, что разговор с ней становился настоящей мукой. Но, выйдя замуж за лорда Сент-Винсента и расставшись со своими сварливыми родственниками, она обрела уверенность в себе.

– Мистер С-свифт действительно согласится жениться не по собственному выбору? – чуть запинаясь, спросила она, отбросив со лба огненные локоны. – Если он сказал правду и его будущее уже обеспечено, у него нет причин жениться на Дейзи.

– Тут дело не только в деньгах. – Лилиан, положив руки на круглый живот, вертелась в кресле, стараясь найти удобное положение. – Отец хочет передать ему дело как приемному сыну, поскольку ни один из наших братьев не стал таким, как хотел отец.

– А что он хотел? – в замешательстве спросила Аннабелла. Наклонившись, она поймала ножки дочери и поцеловала крошечные пальчики. Малышка засмеялась от щекотки.

– Чтобы они посвятили себя компании, – пояснила Лилиан, – стали профессионалами, умными, бесчувственными, беспринципными людьми, которые ставят интересы бизнеса выше всего на свете. На таком языке разговаривают отец и мистер Свифт. Наш брат Рансом пытался занять место в компании, но отец всегда выставлял против него мистера Свифта.

– И мистер Свифт всегда побеждал, – сказала Дейзи. – Бедный Рансом.

– Другие два брата даже и пытаться не стали, – добавила Лилиан.

– А как же собственный отец мистера Свифта? – спросила Эви. – Он не возражает, что его сына фактически усыновят?

– Все это очень странно, – пожала плечами Дейзи. – Мистер Свифт происходит из хорошо известной в Новой Англии семьи. Они осели в Плимуте, а некоторые родственники обосновались в Бостоне в начале восемнадцатого века. Свифты известны своим знатным происхождением, но всего лишь несколькими из них удалось сколотить состояние. Конечно, когда речь идет о так называемых старых бостонцах, этот процесс растягивается на десять поколений вместо трех, настолько они медлительны во всем.

– Ты отвлеклась, дорогая, – прервала сестру Лилиан. – Вернемся к нашему вопросу.

– Извините, – улыбнулась Дейзи и подвела итог: – Мы думаем, что между мистером Свифтом и его родственниками произошла серьезная размолвка, поскольку он практически с ними не общается. И редко ездит в Массачусетс с визитами. Даже если отец мистера Свифта возражает против намерений сына обрести новую семью, мы этого никогда не узнаем.

Четыре подруги молча обдумывали ситуацию.

– Мы найдем кого-нибудь для Дейзи, – сказала Эви, – поскольку теперь можно искать не только в высшем свете. Это значительно облегчает задачу. Есть масса приличных джентльменов хорошего происхождения, которым не посчастливилось иметь титул.

– У мистера Ханта множество неженатых знакомых, – сказала Аннабелла. – Он может их представить.

– Спасибо, – ответила Дейзи, – но брак с бездушным профессионалом не принесет мне счастья. – Помолчав, она извиняющимся тоном добавила: – Не в обиду мистеру Ханту будет сказано, конечно.

– Я бы не стала называть всех мужчин, имеющих профессию, бездушными, – рассмеялась Аннабелла. – Временами Хант бывает очень чувствителен и эмоционален.

Все три посмотрели на Аннабеллу с сомнением. Никто не мог представить себе ее мужественного крупного мужа сентиментальным. Мистер Хант был умным и обаятельным, но, казалось, эмоций проявлял не больше, чем слон при зудении комара.

– Ловим тебя на слове, – сказала Лилиан. – Давайте ближе к делу. Эви, ты не спросишь Сент-Винсента, нет ли у него подходящих джентльменов для Дейзи? Теперь, когда мы расширили границы поисков, нужный экземпляр обязательно найдется. Видит бог, твой муж знает в Англии всех, у кого водятся деньги.

– Я его спрошу, – решительно ответила Эви. – Уверена, мы сможем предложить подходящую кандидатуру.

Став владельцем респектабельного игорного клуба «Дженнерз», созданного много лет назад отцом Эви, лорд Сент-Винсент быстро поднял дело на недостижимую высоту. Он руководил клубом придирчиво и строго, тщательно следил за персоналом и финансовым положением всех его членов.

– Спасибо, – искренне ответила Дейзи. Мысли о клубе увлекли ее. – Мне интересно... как ты думаешь, лорд Сент-Винсент может больше разузнать о таинственном прошлом мистера Рогана? Может, он давно потерявшийся ирландский лорд или что-нибудь в этом роде.

В комнате вдруг возникла тишина и повеяло холодком, словно в гостиной внезапно закружился вихрь искрящихся снежинок. Дейзи заметила, как многозначительно переглянулись сестра и подруги. Она рассердилась на них и еще больше на себя за то, что упомянула человека, который помогал управлять игорным клубом.

С Роганом, молодым полуцыганом с темными волосами и яркими ореховыми глазами, Дейзи встречалась лишь однажды, и он без разрешения поцеловал ее. Точнее говоря, поцелуев было три, и это был самый большой эротический опыт в ее жизни.

Роган поцеловал ее так, словно она взрослая женщина, а не чья-то младшая сестра с игривой чувственностью, намекавшей на то запретное, к чему вел поцелуй. Дейзи следовало бы дать ему пощечину. А она постоянно грезила об этих поцелуях.

– Я так не думаю, милая, – первой нарушила молчание Эви.

Дейзи в ответ просияла улыбкой, обращая свои слова в шутку:

– Да, конечно, никакой он не лорд! Но ты же знаешь мое буйное воображение... мне везде мерещатся тайны.

– Мы должны сосредоточиться на главном, Дейзи, – твердо сказала Лилиан. – Никаких фантазий, выдумок... и мыслей о Рогане. Он только отвлекает.

Первым порывом Дейзи было ответить какой-нибудь едкой репликой, как она делала всегда, когда Лилиан начинала командовать. Но, взглянув в карие глаза сестры с таким же оттенком корицы, как у нее самой, она увидела в них панику и почувствовала прилив сестринской любви.

– Ты права, – сказала Дейзи, заставив себя улыбнуться. – Тебе не нужно волноваться. Я сделаю все, что потребуется, чтобы остаться здесь с тобой. Даже выйду замуж за нелюбимого.

Снова повисла тишина. Потом заговорила Эви:

– Мы найдем человека, которого ты полюбишь, Дейзи. И надеюсь, ваши взаимные чувства будут со временем только укрепляться. – Ироническая улыбка скользнула по ее пухлым губам. – Порой такое случается.

Глава 3

«Сделка, которую вы заключили с моим отцом...»

Эта фраза Дейзи еще долго отдавалась эхом в голове Мэтью. Он собирался при первой же возможности отвести в сторонку Томаса Боумена и выяснить, в чем дело. Но гости все прибывали, вряд ли удастся улучшить такой момент до вечера.

Мэтью задавался вопросом, неужели старик Боумен действительно задумал женить его на Дейзи. Боже милостивый! За долгие годы Мэтью многое передумал о Дейзи Боумен, но и мысли не допускал о женитьбе. Это было настолько фантастично, что не стоило и задумываться. Поэтому он ни разу не поцеловал ее, не танцевал с ней и даже не прогуливался, зная, что последствия для его душевного состояния будут катастрофическими.

Тайны прошлого преследовали его в настоящем и ставили под удар будущее. Мэтью никогда не покидало чувство, что образ, который он себе создал, может рухнуть в любую минуту. Стоит только кому-то сопоставить факты, узнать, кто и что он на самом деле, и все пойдет прахом. Дейзи заслуживает честного и цельного человека, а не такого, который построил всю жизнь на лжи.

Но сердцу не прикажешь. Мэтью всегда желал ее с такой силой, которая, казалось, буквально сочилась сквозь поры его кожи. Дейзи была милой, доброй, скорой на выдумку, порой сверх меры рассудительной и в то же время чрезвычайно романтичной. Ее темные искрящиеся глаза всегда затуманивали мечты. Зачитавшись, она часто опаздывала к ужину. Постоянно теряла наперстки, тапочки, карандаши. И любила предаваться мечтам под звездами. Мэтью не мог забыть, как однажды ночью увидел ее на балконе. Перегнувшись через перила, Дейзи мечтательно подняла к небу нежное лицо. Мэтью тогда охватило горячее желание броситься к ней и целовать до бесчувствия.

Мэтью часто, слишком часто, представлял себя в постели с ней. Если бы подобное когда-нибудь произошло – был бы так нежен... боготворил бы ее. Он готов на все, лишь бы доставить ей удовольствие: мечтал играть ее волосами, гладить мягкую округлость бедер, пройти губами по плечам. Баюкать ее в своих объятиях, хотел этого и гораздо большего.

Мэтью удивляло, что до сих пор никто не догадался о его чувствах. Дейзи могла бы это заметить с первого взгляда. К счастью, она ничего не поняла. Дейзи всегда относилась к нему как к мелкой сошке в компании отца, и Мэтью был ей за это благодарен.

Но что-то изменилось. Он вспомнил, как Дейзи смотрела на него сегодня днем. В ее глазах застыло недоумение. Неужели он так изменился?

Мэтью не слишком заботился о своей внешности. Главное, что волосы подстрижены и лицо чистое. Суровое воспитание уничтожило малейшие проблески тщеславия: как и все бостонцы, он питал отвращение к чванству и всячески избегал всего нового и модного.

Однако в последние два года Томас Боумен требовал, чтобы Мэтью посещал его портного на Парк-авеню, пользовался услугами настоящего парикмахера, а не уличного брадобрёя и приводил в порядок руки, как полагается джентльмену его положения. По настоянию Боумена Мэтью нанял кухарку и экономку и, следовательно, стал лучше питаться и набрал вес. Вместе с потерей последних примет юности это придало ему вид зрелого мужчины. Мэтью задался вопросом, понравился ли Дейзи, и тут же выругал себя за это.

Но она смотрела на него сегодня так... будто увидела его впервые.

Много раз он приходил в дом своего босса на Пятой авеню, но ни разу Дейзи не одарила его таким взглядом. Мэтью мысленно вернулся к тому вечеру, когда познакомился с Дейзи.

Его пригласили на семейный ужин. Прекрасно отделанную столовую освещала хрустальная люстра, на стенах плотные золотистые обои, под потолком позолоченная лепнина. На одной стене четыре огромных зеркала в массивных рамах. Таких больших зеркал Мэтью в жизни не видел.

За ужином присутствовала почти вся семья. Томас Боумен восседал во главе стола, его супруга Мерседес – напротив, по сторонам расположились дети. Двое сыновей – весьма упитанные юноши, каждый вдвое тяжелее Мэтью. Дочери, Лилиан и Дейзи, сидели рядом, тайком сдвигая свои стулья и тарелки.

Отношение Томаса к дочерям было весьма своеобразным. Он то игнорировал их, то обрушивался с жестокой критикой. Старшая, Лилиан, отвечала Боумену с угрюмой дерзостью.

А пятнадцатилетняя Дейзи смотрела на отца жизнерадостно и весело, чем, кажется, несказанно раздражала его. Глядя на нее, Мэтью хотелось улыбнуться.

С ее светлой кожей, необычным разрезом карих глаз, с постоянно меняющимся выражением лица, она, казалось, пришла из заколдованного леса, населенного фантастическими существами.

Мэтью сразу стало ясно, что Дейзи способна повернуть любой разговор в самом неожиданном направлении. Он приятно удивлялся и тайком радовался, лучше узнавая ее характер. Как-то Боумен при всех учинил Дейзи строгий выговор за ее последнюю проделку. Оказалось, что по дому разгуливала мышь, притом совершенно безнаказанно, поскольку все мышеловки исчезли.

Кто-то из слуг доложил, что Дейзи ночью собирала мышеловки, чтобы спасти мышь от неминуемой смерти.

- Это правда, дочка? - проворчал Боумен, гневно посмотрев на Дейзи.

- Очень может быть, - признала она. - Но есть и другое объяснение.

- Какое? - недовольно поинтересовался отец.

- У нас гостит самая умная мышь Нью-Йорка! - торжественно объявила Дейзи.

С этого момента Мэтью никогда не отказывался от приглашения Боуменов. Не только из-за того, чтобы не огорчать отказом благоволившего к нему хозяина дома, но потому, что это давало ему шанс увидеть Дейзи. При каждой возможности Мэтью украдкой смотрел на нее, зная, что большего ему не суждено. Те минуты, которые он провел в ее обществе, невзирая на ее холодную вежливость, были близки к мгновениям счастья.

Сунув руки в карманы, Мэтью рассеянно бродил по особняку. Тревожные мысли не давали ему покоя. Прежде он никогда не бывал за границей, но Англия оказалась именно такой, какой он ее себе представлял: ухоженные сады, зеленые холмы, скромные деревни вокруг обширных поместий.

Дом и обстановка были старыми и уютными. Казалось, в каждом углу стоят бесценные вазы, статуи и картины, которые он видел в книгах по истории искусства. Наверное, зимой тут немного дует, но многочисленные каминные, пушистые ковры и бархатные шторы не позволяют жаловаться на жизнь.

Когда Томас Боумен, точнее, его секретарь написал, что нужно руководить созданием филиала мыловаренной компании в Англии, первым порывом Мэтью было отказаться. Ответственность его несколько не пугала. Но быть рядом с Дейзи, в одной с ней стране... это Мэтью было трудно выдержать. В присутствии Дейзи душевная боль пронзала его стрелой, суля в будущем бесконечное и безнадежное ожидание.

Последние строчки письма, сообщавшие о семействе Боуменов, привлекли внимание Мэтью.

«Кстати, – писал секретарь, – младшая мисс Боумен до сих пор не нашла себе подходящего жениха. Поэтому мистер Боумен решил отправить ее в Нью-Йорк, если она не обручится до конца весны...»

Мэтью оказался в затруднительном положении. Если Дейзи вернется в Нью-Йорк, то ему, черт побери, самое место в Англии. Что ж, он согласится работать в Бристоле и посмотрит, сумеет ли Дейзи подцепить мужа. Если ей это удастся и она останется в Англии, он найдет себе замену и вернется в Нью-Йорк.

Пока между ними океан, все будет в порядке.

Проходя через холл, Мэтью заметил лорда Уэстклифа. Компанию графу составлял крупный черноволосый мужчина, несмотря на элегантный костюм, походивший на пирата.

Мэтью решил, что это Саймон Хант, деловой партнер Уэстклифа и, как говорят, его ближайший друг. Невзирая на его огромное состояние, в жилах Ханта не было ни капли голубой крови. Он был сыном мясника, но оказался настоящим финансовым гением, о его фантастическом успехе в деловых кругах ходили легенды.

– Мистер Свифт, – беззаботно сказал Уэстклиф, когда они столкнулись у подножия парадной лестницы, – кажется, вы рано вернулись с прогулки. Как вам наши виды?

– Пейзаж восхитительный, милорд, – ответил Мэтью. – Надеюсь еще не раз прогуляться по вашим владениям. А вернулся я рано, потому что случайно встретил мисс Боумен.

– А-а... – с невозмутимым видом протянул Уэстклиф. – Не сомневаюсь, для мисс Боумен это был сюрприз.

И пренебрежительный – таков был невысказанный подтекст. Мэтью не моргнув выдержал взгляд графа. Одним из его достоинств было умение замечать неуловимые изменения в лицах и позах людей, выдававшие их мысли. Но Уэстклиф паразитически владел собой. Мэтью это восхитило.

– Думаю, правильнее сказать, один из сюрпризов, которые выпали на долю мисс Боумен в последнее время, – ответил Мэтью. Это была скрытая попытка выведать, знает ли Уэстклиф о возможном браке с Дейзи.

Граф едва заметно поднял брови, словно ответ Мэтью, хоть и любопытный, не стоил комментария. Вот черт, с нарастающим восхищением подумал Мэтью.

Уэстклиф повернулся к черноволосому мужчине.

– Хант, позвольте представить вам Мэтью Свифта, американца, о котором я уже рассказывал. Свифт, это мистер Саймон Хант.

Мужчины обменялись крепким рукопожатием. Хант был лет на пять – десять старше Мэтью. По виду в драке он никому спуска не даст. Смелый, уверенный в себе человек, который, по общему мнению, любил подшутить над претензиями, привычками и предрассудками высшего общества.

– Я слышан о ваших успехах в производстве локомотивов, – повернулся Мэтью к Ханту. – В Нью-Йорке с большим интересом следили, как вы объединяете британское мастерство с американскими методами.

Хант язвительно усмехнулся:

– Хоть и хочется приписать все лавры себе, скромность вынуждает меня признать, что Уэстклиф тоже приложил к этому руку. Он и Томас Боумен – мои деловые партнеры.

– Судя по всему, ваш союз весьма успешен, – ответил Мэтью.

– У него настоящий талант к лести, – повернулся к Уэстклифу Хант. – Может, найдем его?

– Боюсь, мой тесть станет возражать, – улыбнулся Уэстклиф. – Таланты мистера Свифта понадобятся, чтобы построить мыловаренную фабрику и открыть контору в Бристоле.

Мэтью решил повернуть беседу в другое русло.

– Я читал о недавних дискуссиях в парламенте по поводу национализации британских железных дорог, – сказал он Уэстклифу. – Мне интересно услышать ваше мнение по этому поводу, милорд.

– О господи, только не это! – воскликнул Хант.

Уэстклиф нахмурился, затронутая тема явно была больным местом.

– Обществу меньше всего нужно, чтобы правительство контролировало промышленность. Храни нас Бог от вмешательства политиканов. Правительство будет управлять железными дорогами столь же неэффективно, как и всем остальным. Монополия задушит конкуренцию, а результатом будут высокие цены, не говоря уже...

– Не говоря уже о том, – перебил его Хант, – что мы с Уэстклифом не хотим делиться с правительством своей прибылью.

Уэстклиф строго посмотрел на него:

– Я имел в виду интересы общества.

– Как удачно, что в этом случае наши интересы совпадают с интересами общества.

Мэтью спрятал улыбку.

Подняв глаза к потолку, Уэстклиф сказал Мэтью:

– Как видите, мистер Хант не упускает возможности подшутить надо мной.

– Я над всеми подшучиваю, – отозвался Хант. – Просто вы, милорд, чаще других оказываетесь рядом.

– Мы с Хантом собираемся покурить на террасе, – повернулся к Мэтью Уэстклиф. – Не составите нам компанию?

Мэтью покачал головой:

– Я не курю.

– Я тоже, – уныло произнес Уэстклиф. – Раньше у меня была привычка время от времени баловаться сигарой, но, к несчастью, запах табака нежелателен для графини в ее положении.

Мэтью не сразу сообразил, что графиня – это Лилиан Боумен. Как странно, что вздорная, крикливая Лилиан теперь леди Уэстклиф.

– Мы с вами поговорим, пока Хант покурит, – сказал Уэстклиф. – Пойдемте.

Приглашение было из тех, от которых нельзя отказаться, но Мэтью все-таки попытался.

– Благодарю, милорд, но мне нужно кое-что обсудить с одним человеком, и я...

– Как я понимаю, этот человек Томас Боумен.

Черт, подумал Мэтью. Он знает. Хоть ничего и не было сказано, это понятно по взгляду Уэстклифа. Графу известно намерение Боумена женить его на Дейзи, и у него есть на этот счет свое мнение.

– Сначала обсудите дело со мной, – продолжил граф.

Мэтью осторожно взглянул на Ханта, тот ответил ему спокойным взглядом.

– Думаю, мистеру Ханту чужие личные дела покажутся скучными.

– Вовсе нет, – дружелюбно заметил Хант. – Я люблю послушать о чужих делах. Особенно о личных.

Все трое прошли на террасу, с которой открывался вид на ухоженный парк, расчерченный аккуратными дорожками и обнесенный тщательно подстриженной живой изгородью. За ним виднелся фруктовый сад. Ветерок приносил густой аромат цветов, журчание воды в реке сливалось с шелестом листьев.

Усевшись у стола, Мэтью заставил себя расслабиться и откинулся на спинку кресла. Они с Уэстклифом наблюдали, как Хант перочинным ножиком обрезал кончик сигары. Мэтью молчал, терпеливо ожидая, когда заговорит Уэстклиф.

– Как давно вы знаете о плане Боумена выдать за вас Дейзи? – резко спросил граф.

– Приблизительно час с четвертью, – без колебаний ответил Мэтью.

– Так это не ваша идея?

– Вовсе нет, – заверил его Мэтью.

Откинувшись в кресле, граф переплел пальцы и, прищурившись, изучал гостя.

– Вы при этом много выиграете.

– Милорд, если у меня и есть какой-то талант, то это дар зарабатывать деньги, – прозаично ответил Мэтью. – Мне не нужно жениться на них.

– Рад слышать, – отозвался граф. – У меня есть еще один вопрос, но сначала я хотел бы изложить свою позицию. Я очень привязан к свояченице и взял ее под защиту. Будучи хорошо знакомым с Боуменами, вы, несомненно, знаете о близких отношениях между графиней и ее сестрой. Если Дейзи окажется несчастной, моя жена будет страдать, и... я этого не допущу.

– Понятно, – кратко ответил Мэтью.

По иронии судьбы его предупреждали, чтобы он держался от Дейзи подальше, тогда как он сам всей душой желал этого и решил сделать все, что в его силах, чтобы избежать брака с ней. Его так и подмывало послать Уэстклифа к дьяволу. Вместо этого, сжав губы, он внешне держался спокойно.

– Дейзи – редкая девушка, – сказал Уэстклиф, – милая и романтическая натура. Если ее заставят выйти замуж без любви, она будет страдать и мучиться. Дейзи заслуживает мужа, который будет любить ее такой, какая она есть, защитит от грубой реальности мира и позволит ей мечтать.

Было странно слышать такие сантименты от Уэстклифа, которого считали прагматичным и уравновешенным человеком.

– Какой у вас вопрос, милорд? – спросил Мэтью.

– Вы дадите мне слово, что не женитесь на моей свояченице?

Мэтью выдержал строгий взгляд графа. Неразумно перечить человеку, не привыкшему, чтобы ему возражали. Но Мэтью годами выдерживал громы и молнии Томаса Боумена и прекословил ему, когда другие боялись от страха рот раскрыть.

Хотя Боумен бывал безжалостным, саркастическим, задиристым, больше всего он уважал тех, кто не страшился в открытую спорить с ним. И поэтому Мэтью быстро стал в компании вестником, приносящим хозяину дурные вести, которые другие работники не решались сообщить.

Мэтью прошел такую школу, что попытки Уэстклифа подавить его оказались совершенно безуспешными.

– Боюсь, не смогу, милорд, – вежливо ответил Мэтью.

Саймон Хант выронил сигару.

– Вы не дадите мне слово? – недоверчиво спросил Уэстклиф.

– Нет.

Быстро наклонившись, Мэтью поднял сигару и вернул ее Ханту. Саймон взглянул на него так, словно молча пытался предостеречь от прыжка со скалы.

– Почему? – требовательно спросил Уэстклиф. – Вы не хотите терять место у Боумена?

– Нет, это он не может позволить себе расстаться со мной сейчас. – Мэтью постарался улыбкой смягчить заносчивость фразы. – Я знаю о производстве, маркетинге и руководстве компанией лучше других... и я заслужил его доверие. Поэтому он меня не уволит, даже если я откажусь жениться на его дочери.

– Тогда вам будет просто покончить с этим делом, – сказал граф. – Я хочу, чтобы вы дали слово. Сейчас.

Другого бы властное требование Уэстклифа напугало.

– Я бы подумал над этим, – холодно возразил Мэтью, – если бы вы предложили достойную компенсацию. Например, назначили бы меня главой британского отделения вашей компании и гарантировали мне пост по крайней мере... ну, скажем, года на три.

Уэстклиф недоверчиво уставился на него.

Тишину нарушил рокочущий хохот Саймона Ханта.

– А он крепкий орешек, черт побери, – воскликнул Хант. – Попомни мое слово, Уэстклиф, я найму его к себе в «Консолидейтед».

– Я дорого стою, – предупредил Мэтью, и Хант расхохотался так, что чуть снова не выронил сигару.

Даже Уэстклиф нехотя улыбнулся.

– Черт побери, я не намерен торопиться с вашим назначением на таких условиях. До тех пор пока не выясню, что вы подходите для этой должности.

– Значит, мы зашли в тупик, – дружелюбно сказал Мэтью. – Пока.

Уэстклиф и Хант молча переглянулись, решив обсудить ситуацию позднее и без него. Мэтью почувствовал укол любопытства, но тут же одернул себя. По крайней мере он дал ясно понять, что его не запугать. И что оставил право решения за собой. Кроме того... вряд ли мог дать слово касательно дела, которое Боумен еще не обсуждал с ним.

Глава 4

– Конечно, Дейзи – коротышка, – говорил в тот же вечер Боумен, расхаживая по гостиной. Они с Мэтью договорились встретиться после ужина, пока остальные собрались внизу. – Она маленькая и легкомысленная. Говорил я жене, дай девочке серьезное, достойное имя: Джейн, Констанс или что-нибудь в этом роде. Но она выбрала Маргерит. Подумать только, французское! В честь ее кузины с материнской стороны. А когда Лилиан было четыре, она узнала, что по-французски это означает пустячный цветок. Лилиан стала называть ее Дейзи[1 - Маргаритка (англ.)], так и повелось...

Боумен продолжал ворчать, а Мэтью думал, какое это прелестное имя. Маленький цветок с изящными белыми лепестками, такой нежный и такой стойкий. То, что при таких властных родителях Дейзи упрямо оставалась верна собственной натуре, говорило о многом.

– ...разумеется, мне придется подсластить это дело, – продолжил Томас Боумен. – Я знаю тебя достаточно хорошо и понимаю, что ты выбрал бы для себя совсем другую женщину, рассудительную и здравомыслящую, а не такую капризную, как Дейзи. Следовательно...

– Подслащивать не придется, – спокойно перебил его Мэтью. – Дейзи... то есть мисс Боумен совершенно... очаровательна, прелестна, желанна. – ...подходит. Жениться на такой девушке, как мисс Боумен, уже само по себе награда.

– Хорошо, – проворчал Боумен, хотя слова Мэтью его совсем не убедили. – С твоей стороны очень благородно так говорить. И все же я предлагаю тебе достойную компенсацию в виде большого приданого, увеличения доли акций компании и так далее. Уверяю, ты будешь доволен. Что касается приготовлений к свадьбе...

– Я еще не сказал «да», – перебил его Мэтью.

Боумен остановился и вопросительно посмотрел на него.

– Начнем с того, – осторожно продолжил Мэтью, – что за два месяца мисс Боумен может найти себе жениха.

– Поклонника твоего уровня она не найдет, – самодовольно сказал Боумен.

Несмотря на то что эта фраза доставила ему удовольствие, Мэтью ответил мрачно:

– Благодарю вас. Но я не верю, что мисс Боумен разделяет ваше высокое мнение.

Боумен пренебрежительно отмахнулся:

– Женщины переменчивы, как английская погода. Ты сможешь внушить ей симпатию. Пошли Дейзи букет цветов, отпусти парочку комплиментов... а того лучше – процитируй дурацкие стишки, которыми она так увлекается, что от книги не оторвешь. Соблазнить женщину – пустяковое дело. Все, что тебе нужно...

– Мистер Боумен, – встревожившись, перебил его Мэтью. Боже милостивый, еще не хватало, чтобы босс объяснял ему технику ухода за кожей. – Я уверен, что справлюсь с этим и без советов. Не в этом дело.

– А в чем? А-а-а... – Боумен улыбнулся улыбкой человека, умудренного жизненным опытом. – Понимаю.

– Что вы понимаете? – с опаской поинтересовался Мэтью.

– Очевидно, ты боишься моей реакции, если позже решишь, что моя дочь не соответствует твоим потребностям. Но если ты будешь вести себя с осторожностью, я слова не скажу.

Вздыхнув, Мэтью потер глаза, вдруг ощутив огромную усталость. Слишком много обрушилось на него с того момента, как он высадился с корабля в Бристол.

– Вы хотите сказать, что закроете глаза, если я стану изменять жене, – сказал Мэтью скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Мы, мужчины, часто сталкиваемся с искушениями и порой уступаем им. Так устроен мир.

– Это не мой путь, – решительно ответил Мэтью. – Я держу свое слово и в бизнесе, и в личных делах. И если я дам клятву верности женщине, то я сдержу ее во что бы то ни стало.

Пышные усы Боумена насмешливо дрогнули.

– Ты еще слишком молод и имеешь возможность сомневаться в реалиях мира.

– А старость себе этого позволить не может? – спросил Мэтью с налетом нежной насмешки.

– Кое-что с возрастом переоценивается. В свое время ты это поймешь.

– Надеюсь, что нет. – Мэтью сел в кресло и схватился за голову, запустив пальцы в густую шевелюру.

Не скоро Боумен отважился нарушить молчание.

– Неужели это так ужасно – взять Дейзи в жены? Когда-нибудь тебе придется жениться. Моя дочь придет к тебе не с пустыми руками. Подумай о компании. После моей смерти ты получишь контрольный пакет акций.

– Вы нас всех переживете, – пробормотал Мэтью.

Боумен довольно хохотнул.

– Я хочу, чтобы ты получил компанию, – настаивал он. Впервые Боумен так откровенно заговорил на эту тему. – Ты нравишься мне больше моих сыновей. Для дела лучше, если компания окажется в твоих руках. У тебя есть финансовый дар, умение овладевать новыми знаниями и технологиями. Ты никого не боишься. Все это знают и ценят тебя за это. Женись на моей дочери, Свифт, и построй мне фабрику в Англии. К тому времени, когда ты вернешься домой, я отдам тебе Нью-Йорк.

– А вы не можете добавить Род-Айленд? Он небольшой.

Боумен игнорировал саркастический вопрос.

– У меня есть замыслы относительно тебя и помимо компании. Я связан с могущественными людьми, и ты оказался в поле их зрения. Я помогу тебе достичь всего, что ты задумаешь. Цена невелика. Женись на Дейзи, роди мне внуков. Это все, что я прошу.

Когда десять лет назад Мэтью начал работать у Боумена, то не ожидал, что тот станет ему вторым отцом. Боумен походил на бочонок пороха: плотный, круглый, с взрывным темпераментом. Очередную гневную тираду можно было предсказать по покрасневшей лысине. Но Боумен был умен и, когда дело касалось руководства людьми, проницателен и расчетлив. Он выполнял свои обещания и обязательства и был великодушен и щедр к тем, кто ему нравился.

Мэтью многому научился у Томаса Боумена. Как вызнать слабости оппонента и обратить их себе на пользу. Когда надавить, когда сделать шаг назад. Он узнал, что в бизнесе можно давать выход агрессивности, если не переходить границы и не опускаться до откровенной грубости. Нью-йоркские бизнесмены – настоящие профессионалы, а не дилетанты из высшего общества – не станут уважать человека, страшащегося конкуренции.

Узнав, что победа в споре не всегда идет на пользу, Мэтью научился сдерживать свой напор, прикрывать его дипломатией. Радушие и открытость при его сдержанной натуре давались ему непросто. Но он старательно работал над этим, поскольку это необходимый инструмент для успешной работы.

Томас Боумен поддерживал Мэтью на каждом шагу и, чтобы тот набрался опыта, провел через пару сомнительных операций. Мэтью был благодарен ему за науку. Несмотря на все недостатки своего босса, он любил его. Наверное, потому, что, по уверениям Боумена, они похожи.

Как такой человек произвел на свет романтическую Дейзи, было большой загадкой.

– Мне нужно время, чтобы принять решение, – сказал Мэтью.

– Что тут решать? – запротестовал Боумен. – Я уже сказал... – Увидев лицо Мэтью, он умолк. – Хорошо. Хорошо. Немедленного ответа не нужно. Мы обсудим это позже.

– Ты поговорил с мистером Свифтом? – требовательно спросила Лилиан, когда Маркус вошел в комнату. Ожидая мужа, она задремала и теперь пыталась сесть на постели.

– Поговорил, – мрачно ответил Маркус, снимая прекрасно скроенный сюртук и вешая его на подлокотник кресла времен Людовика XIV.

– Я была права, верно? Свифт отвратителен. Скажи мне, что он ответил.

Маркус смотрел на беременную жену. Она была так прелестна с распущенными по плечам волосами и чуть набухшими от сна веками, что у него сердце дрогнуло.

– Подожди, – сказал он, присаживаясь на кровать. – Дай я сначала посмотрю на тебя.

Улыбнувшись, Лилиан провела руками по его темной гриве.

– Я ужасно выгляжу.

– Нет, – тихо проговорил Маркус, придвигаясь ближе. – Все в тебе прекрасно. – Он нежно погладил ее округлившийся живот, скорее успокаивая, чем

возбуждая. – Что я могу для тебя сделать? – прошептал Маркус.

– По одному взгляду на меня заметно, что вы уже сделали достаточно, милорд. – Лилиан продолжала улыбаться. Обняв мужа, она притянула его голову к своей груди. – Уэстклиф, – сказала она, почти касаясь губами его волос, – я ни от кого не родила бы ребенка, только от тебя.

– Это утешает и обнадеживает.

– Я чувствую себя такой неуклюжей, скованной... Наверное, нехорошо говорить, что мне не нравится быть беременной?

– Вовсе нет. – Его дыхание щекотало ей грудь. – Мне тоже это не нравится.

Лилиан улыбнулась. Отпустив Маркуса, она откинулась на подушки.

– Я хочу услышать о мистере Свифте. Расскажи, о чем ты говорил с этим ходячим пугалом.

– Я бы его пугалом не назвал. Похоже, он сильно изменился с тех пор, как ты его видела в последний раз.

– Гм... – Лилиан была явно расстроена такой новостью. – И все равно он некрасивый.

– Не могу судить, я редко задумываюсь над внешностью мужчин, – сухо сказал Маркус. – Но вряд ли кто-то назовет его некрасивым.

– Так ты говоришь, он привлекательный?

– Думаю, многие так считают.

Лилиан помахала рукой перед лицом мужа.

– Сколько вытянутых пальцев?

- Три, - улыбнулся Маркус. - Что ты делаешь, милая?

- Проверяю твое зрение. Кажется, оно сильно ослабло. А сейчас следи за движением моего пальца.

- А почему бы тебе не последить за моим пальцем? - спросил Маркус, потянувшись к ее лифу.

Поймав его руку, Лилиан посмотрела в искрящиеся глаза мужа.

- Маркус, хватит шутить. На карту поставлено будущее Дейзи.

- Хорошо, - чуть отодвинулся он.

- Расскажи мне, как все произошло, - торопила его жена.

- Я твердо заявил мистеру Свифту, что никому не позволю сделать Дейзи несчастной. И потребовал, чтобы он дал слово, что не женится на ней.

- Слава богу! - со вздохом облегчения воскликнула Лилиан.

- Свифт отказался.

- Что? - Лилиан рот открыла от изумления. - Тебе никто не может отказать.

- Вероятно, мистеру Свифту это не известно.

- Маркус, ты ведь что-нибудь придумаешь? Ты не допустишь, чтобы Дейзи заставили выйти за Свифта?

- Успокойся, любимая. Обещаю, что Дейзи не вступит в брак против своей воли. Однако... - Маркус замялся, раздумывая, насколько можно приоткрыть правду. - Мое мнение о Мэтью Свифте несколько отличается от твоего.

- Моя оценка более верная, - сдвинула брови Лилиан. - Я его дольше знаю.

– Ты давно с ним не встречалась, – спокойно сказал Маркус. – Люди меняются, Лилиан. Думаю, большая часть того, что твой отец говорит о Свифте, – правда.

– Et tu[2 - И ты (Брут) (лат.)], Маркус?

Состроив театральную гримасу, Уэстклиф потянулся, поймал под одеялом ногу жены, положил себе на колено и принялся массировать свод стопы.

Расслабившись, Лилиан откинулась на подушку.

Маркус задумался. Что он знает о Свифте? Молодой человек умен, находчив, хорошо воспитан. Из тех, кто сначала думает, потом говорит. Маркусу всегда нравилось общество таких людей.

На первый взгляд Мэтью Свифт и Дейзи Боумен совершенно несовместимы. Но Маркус не слишком разделял уверенность Лилиан, что Дейзи нужно связать судьбу с мужчиной, столь же романтичным и чувствительным, как она сама. В таком союзе не будет равновесия. В конце концов, и быстроходному паруснику необходим якорь.

– Нужно как можно скорее отправить Дейзи в Лондон, – не утихала Лилиан. – Сейчас разгар сезона, а она похоронила себя в Гемпшире, вдали от балов и праздников...

– Остаться здесь – это ее собственное решение, – напомнил жене Маркус, занявшись ее второй ногой. – Она себе не простит, если пропустит рождение ребенка.

– Да ну тебя. Я бы предпочла, чтобы сестра нашла себе подходящего мужчину, вместо того чтобы сидеть здесь со мной. Время уходит, ей придется выйти замуж за Мэтью Свифта, уехать с ним в Нью-Йорк, и тогда я ее больше не увижу...

– Я уже подумал об этом, – сказал Маркус. – Именно поэтому я пригласил на охоту в Стоуни-Кросс-Парк несколько подходящих джентльменов.

– Ох, Маркус! Ты самый умный, самый замечательный...

Отмахнувшись от похвал, Маркус с улыбкой вспоминал горячие споры по поводу гостей.

– Должен тебе сказать, что Сент-Винсент ужасно разборчив. Если бы он родился женщиной, ему бы ни один мужчина не подошел.

– Они никогда не подходят, – лукаво сказала Лилиан. – Вот почему у нас, женщин, есть поговорка «Целься выше, потом разберешься».

– Ты так и сделала? – фыркнул Уэстклиф.

Улыбка изогнула ее губы.

– Нет, милорд. Я целилась высоко и была вознаграждена сверх ожиданий.

Лилиан рассмеялась, и Маркус, нагнувшись, звучно поцеловал ее.

Одевшись в твидовые куртки и полотняные брюки, джентльмены торопливо позавтракали и еще до рассвета отправились на рыбалку. Заспанные слуги несли следом удочки, садки для рыбы, деревянные ящички с наживкой и прочими принадлежностями. Мужчины наслаждались лучшей порой утра, пока дамы безмятежно спали, за исключением Дейзи. Она любила рыбалку, но, даже не спрашивая, знала, что ее присутствие в сугубо мужском обществе нежелательно. В прошлом Лилиан часто составляла ей компанию, но в своем нынешнем положении сестра явно не сможет это сделать.

Накануне Дейзи приложила немало усилий, чтобы уговорить Эви или Аннабеллу пойти к искусственному пруду, в котором полно форели. Но эта перспектива подруг не воодушевила.

– Вы прекрасно проведете время, – убеждала она. – Я научу вас забрасывать удочку, это очень просто. Неужели вы будете сидеть дома в такое чудесное весеннее утро?!

Но Аннабелла считала, что поспать подольше – прекрасная идея. А поскольку Сент-Винсент не собирался удить рыбу, Эви решила подольше понежиться с ним

в постели.

- Ты получишь больше удовольствия от рыбалки со мной, - твердила ей Дейзи.

- Нет, - решительно возразила Эви. - Не получу.

Рассерженная Дейзи, позавтракав, в одиночестве отправилась на пруд, прихватив любимую удочку.

Утро было восхитительное, воздух свежий и бодрящий, тихо, ни ветерка. Дейзи шагала через лужайку, пестревшую золотистыми чашечками лютиков, белыми шапками тысячелистника, пурпурными лепестками полевой гвоздики.

Обойдя тутовое дерево, Дейзи заметила у кромки воды какую-то суету. Двое мальчишек, а между ними какое-то животное или птица... Гусь? Он сердито хлопал крыльями и шипел на смеющихся мальчишек.

- Эй! - окликнула их Дейзи. - Что тут происходит?

Заметив ее, мальчишки с визгом бросились бежать, только пятки засверкали.

Дейзи поспешно подошла к рассерженной птице. Это был тяжелый домашний гусь с серым оперением, сильной шеей и крепким оранжевым клювом.

- Бедняга! - сказала Дейзи, увидев, что к лапе гуся что-то привязано. Когда она подошла ближе, гусак бросился в атаку, но что-то удержало его. - Я постараюсь тебе помочь. - Дейзи положила на землю удочку. - Положение не из приятных, так что тебе придется потерпеть... - Наклонившись, она разглядела в чем дело. - Вот негодники! Они хотели, чтобы ты ловил для них рыбу.

Гусь согласно загоготал. К его лапе была привязана леска, блесной служила сломанная оловянная ложка, к которой был пристроен рыболовный крючок. Если бы не сочувствие к несчастному гусю, Дейзи бы рассмеялась.

Придуманно остроумно. Если гуся бросить в воду, ложка будет плескаться, привлекая рыбу. Форель попадется на крючок, и гусь на буксире притащит ее к берегу. Но мальчишки, убегая, бросили гуся на траву, и крючок зацепился за

стебель ежевики. Гусь замер и смотрел на Дейзи блестящими бусинками черных глаз.

– Хороший мальчик! – приговаривала Дейзи, потянувшись к леске. – Моя умница. Какой ты большой. Потерпи немножко, я сейчас... ой! – Вытянув шею, гусь больно ущипнул ее за руку.

Отскочив назад, Дейзи посмотрела на расплывавшийся кровоподтек.

– Ах ты, неблагодарное создание! – хмуро посмотрела она на воинственного гуся. – За это надо бы бросить тебя здесь.

Потирая больное место, Дейзи размышляла, сможет ли отцепить удочкой леску. Но это не решение проблемы, нужно еще отвязать ложку от гусиной лапы. Нужно вернуться в дом и позвать кого-нибудь на помощь.

Наклонившись за удочкой, она услышала неожиданный шум. Кто-то насвистывал до боли знакомую мелодию. Дейзи прислушалась. Эта песенка, «Вечер чудесного дня», была очень популярна в Нью-Йорке перед их отъездом.

Кто-то шел в ее сторону от реки. Мужчина в промокшем костюме, старой шляпе с низкими полями, с полным садком рыбы. На нем были спортивная твидовая куртка, грубые брюки. Невозможно не заметить, как мокрая ткань облепляет его стройное тело. Когда Дейзи узнала его, ее пульс пустился в галоп.

Мужчина, увидев ее, замолчал. Его глаза были голубее, чем вода и небо, ярко выделяясь на загорелой коже. Когда он снял шляпу, солнце заиграло на густых каштановых волосах, придавая им красноватый оттенок.

– Черт, – пробормотала про себя Дейзи.

Не только потому, что меньше всего хотела сейчас видеть именно его, но потому, что ей пришлось признать, что Мэтью Свифт поразительно красив. Лучше бы он не был таким привлекательным. Сама того не желая, Дейзи испытывала жгучее любопытство, стремясь проникнуть в суть этого человека, узнать его тайны, страхи и радости. Почему она прежде им не интересовалась? Наверное, она была слишком незрелой и инфантильной. Возможно, изменился не

он, а она.

Свифт осторожно подошел к ней.

- Здравствуйте, мисс Боумен.

- Доброе утро, мистер Свифт. А почему вы не ловите рыбу вместе со всеми?

- Моя сетка уже полна. Я настолько опередил всех, что продолжать было бы неприлично.

- Какой вы скромный, - мрачно сказала Дейзи. - А где ваша удочка?

- Ее взял Уэстклиф.

- Почему?

Поставив на землю садок с рыбой, Свифт надел шляпу.

- Я привез ее из Америки. Удочка складная, из орешника, а гибкий кончик из ясеня, кроме того, у нее усиленная катушка с отбалансированной ручкой.

- Такие катушки не работают, - возразила Дейзи.

- Британские - да, - согласился Свифт. - Но мы в Штатах внесли кое-какие изменения. И как только Уэстклиф это понял, он буквально выхватил удочку у меня из рук и как раз сейчас ею удит.

Зная любовь своего зятя ко всяким техническим новинкам, Дейзи криво улыбнулась. Она почувствовала, что Свифт смотрит на нее. Ей не хотелось поднимать на него глаза, и все же против своей воли Дейзи взглянула на Свифта.

Трудно было примирить воспоминания о нескладном юноше с образцом мужественности, который она видела перед собой. Он походил на свежееотчеканенную монету - яркий и совершенный. Утренний свет скользил по

его коже, длинным ресницам, высвечивал крошечные морщинки в уголках глаз. Ей хотелось коснуться его лица, заставить его улыбнуться, почувствовать, как его губы дрогнут под ее пальцами.

Неловкая пауза затянулась, но ее прервал сердитый гогот гуся.

– Как я вижу, у вас есть компаньон, – сказал Свифт, взглянув на массивную птицу. Когда Дейзи объяснила затею мальчишек, он улыбнулся. – Вот хитрецы.

Это замечание показалось Дейзи не слишком сочувственным.

– Я хотела ему помочь, – сказала она. – Но когда попыталась подойти ближе, он меня клюнул. А я-то думала, что домашняя птица равнодушно отнесется к моему появлению.

– Серые гуси мирным нравом не отличаются, – проинформировал ее Свифт. – Особенно гусаки. Наверное, он пытался показать вам, кто здесь хозяин.

– Да, он это показал, – сказала Дейзи, потирая руку.

Заметив синяк, Свифт нахмурился.

– Он сюда вас ущипнул? Покажите.

– Все в порядке... – начала Дейзи, но Свифт уже подошел к ней.

Его сильные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья, подушечка большого пальца поглаживала кровоподтек.

– У вас легко появляются синяки, – пробормотал он, склонившись к ее руке.

Сердце Дейзи, сделав несколько тяжелых ударов, пустилось вскачь. От Свифта пахло солнцем, водой, свежей травой. И где-то в глубине этого аромата таилась мучительная нотка запаха разгоряченного мужчины. Дейзи боролась с инстинктивным порывом прижаться к Свифту, положить его руку себе на грудь. Собственное страстное желание потрясло ее.

Взглянув в лицо Свифту, Дейзи увидела, что его голубые глаза в упор смотрят на нее.

- Я... - Она нервно отпрянула. - Что мы станем делать?

- С гусем? - Свифт пожал широкими плечами. - Можно свернуть ему шею и отнести домой к обеду.

Это предложение вызвало у Дейзи и гусака праведный гнев.

- Скверная шутка, мистер Свифт.

- Я не шучу.

Дейзи решительно встала между Свифтом и гусем.

- Тогда я сама справлюсь. Вы можете идти.

- Я бы не советовал вам привязываться к нему. Если вы останетесь в Стоуни-Кросс-Парке, то рано или поздно обнаружите его в своей тарелке.

- Может быть, я выгляжу ханжой и лицемеркой, - ответила Дейзи, - но я не стала бы есть гуся, с которым лично знакома.

Хоть Свифт и не улыбнулся, Дейзи почувствовала, что ее высказывание его позабавило.

- Побоку философию, - сказал он. - Как вы собираетесь освободить его лапу? В награду за ваши труды вы будете вся в синяках.

- Если вы его подержите, я ухвачу ложку и...

- Нет, - твердо ответил Свифт. - Даже за весь китайский чай.

- Никогда не понимала этого выражения, - сказала Дейзи. - В современном мире Индия производит гораздо больше чая, чем Китай.

Скривив губы, Свифт обдумывал ее возражение.

- Поскольку Китай – главный производитель пеньки в мире, можно сказать: «За всю китайскую пеньку», но это звучит не так красиво. Но, как ни говорите, я этому гусю помогать не собираюсь. – Он наклонился за садком с рыбой.

- Пожалуйста, – сказала Дейзи.

Свифт пристально посмотрел на нее.

- Пожалуйста, – повторила она.

Ни один джентльмен не откажет женщине, дважды повторившей это слово.

Пробормотав что-то неразборчивое, Свифт поставил садок с рыбой на землю.

Довольная улыбка изогнула губы Дейзи.

- Спасибо.

Ее улыбка тут же исчезла, когда Свифт предупредил ее:

- Вы будете у меня в долгу.

- Разумеется, – ответила Дейзи. – Я никогда не думала, что вы сделаете что-нибудь даром.

- И когда я потребую вернуть должок, вы не откажетесь, что бы это ни было.

- В пределах разумного. Я не собираюсь выходить за вас замуж только потому, что вы спасли несчастного гуся.

- Поверьте, – мрачно сказал Свифт, – брак не имеет к этому никакого отношения.

Он начал снимать куртку, с трудом стягивая с широких плеч намокший оливковый твид.

- Ч-что вы делаете? – распахнула глаза Дейзи.

Свифт сердито скривил губы.

- Я не хочу, чтобы эта чертова птица испортила мне костюм.

- Не нужно делать проблему из-за нескольких перышек, которые могут пристать к куртке.

- Меня не перья волнуют, – коротко сказал он.

- А-а-а... – Дейзи старалась спрятать улыбку.

Она смотрела, как он снимает куртку и жилет. Белая рубашка, прилипшая к широкой груди, обрисовывая мускулистый торс, постепенно скрывалась за влажным поясом брюк. Тщательно свернув одежду, Свифт положил ее на садок с рыбой, чтобы не запачкать. Легкий ветерок играл его волосами, приподнимая прядь надо лбом.

Странность ситуации... рассерженный гусь, мокрый Мэтью Свифт без сюртука и жилета... все это вызывало у Дейзи неудержимый смех. Она поспешно зажала рот рукой, но было уже поздно.

Свифт покачал головой, хотя на его лице промелькнула ответная улыбка. Дейзи заметила, что его улыбка всегда мимолетна, она исчезает так же быстро, как появляется. Заметить ее – все равно что наблюдать редкий природный феномен вроде падающей звезды.

- Если вы кому-нибудь расскажете об этом, маленькая проказница... вы за это поплатитесь.

Слова звучали угрожающе, но от его тона... от какой-то эротической мягкости интонации Дейзи бросало то в жар, то в холод.

– Я не собираюсь никому рассказывать, – едва дыша ответила она. – На мне это отразится столь же дурно, как и на вас.

Свифт вынул из кармана куртки перочинный нож и вручил его Дейзи. Или это игра ее воображения, или его пальцы лишнюю секунду задержались на ее ладони?

– Это зачем? – смутившись, спросила Дейзи.

– Чтобы срезать леску с лапы. Будьте осторожны, нож очень острый. Мне бы не хотелось, чтобы вы перерезали артерию.

– Не беспокойтесь, я его не пораню.

– Я говорил о себе, а не о гусе. – Мэтью оценивающе взглянул на сердитого гусака. – Если будешь мешать, к ужину из тебя паштет сделают.

Птица угрожающе распустила крылья.

Осторожно двинувшись вперед, Свифт наступил на леску, ограничив гусю свободу передвижения. Гусь зашипел, захлопал крыльями и на мгновение замер перед броском. Тут Свифт и схватил его, бормоча проклятия и уворачиваясь от крепкого клюва. Вокруг него тут же поднялось облако пуха и перьев.

– Не задушите его, – вскрикнула Дейзи, заметив, что Свифт держит гуся за шею.

К счастью, ответ Свифта утонул в гоготе рассерженной птицы. Мэтью как-то удавалось сдерживать вырывающегося гуся. Взъерошенный, весь в пуху и перьях Мэтью сердито посмотрел на Дейзи:

– Что вы там стоите? Перережьте леску.

Дейзи подчинилась, торопливо встав на колени около сражающейся парочки. Она осторожно потянула к себе грязную мокрую лапу. Гусь пронзительно закричал, дернулся и вырвал лапу из ее рук.

– Да не робейте вы, черт возьми. Держите его крепче и делайте свое дело.

Не будь между ними десятикилограммового гуся, Дейзи бы многозначительно посмотрела на Мэтью Свифта, взглядом выразив все, что думает. Вместо этого она снова схватила лапу и осторожно подсунула кончик ножа под леску. Свифт был прав, нож оказался чрезвычайно острым. Одно движение, и леска перерезана.

– Готово! – ликующе объявила Дейзи, не поднимаясь с колен. – Можете отпускать нашего пернатого друга, мистер Свифт.

– Спасибо, – язвительно ответил он.

Свифт разжал руки, но освобожденная птица отреагировала неожиданно. Виня во всех своих бедах своего спасителя, гусь, извернувшись, мстительно клюнул Свифта в лицо.

– О-ох!

Упав, Свифт схватился за глаз, а гусь с победным гоготом удалился.

– Мистер Свифт! – Дейзи подползла к нему и, взобравшись на его колено, потянула за руку. – Дайте я посмотрю!

– Все в порядке, – ответил Свифт, потирая глаз.

– Дайте посмотреть! – повторила она, взяв его лицо в свои ладони.

– Я намерен потребовать, чтобы этого гуся к обеду в мелкое рагу изрубили, – проворчал Мэтью, позволив Дейзи повернуть его голову.

– Ничего подобного вы не сделаете. – Дейзи осмотрела крошечную ранку и промокнула рукавом капельку крови. – Не годится спасителю есть спасенного. – Ее голос дрогнул от смеха. – К счастью, гусь плохо прицелился. Думаю, даже синяка не будет.

– Рад, что это вас позабавило, – пробормотал Свифт. – Вы вся в пуху и перьях.

– И вы тоже.

Крошечный светлый пух пристали к его темной брови. Смех вскипал в Дейзи, как пузырьки воздуха, поднимавшиеся к поверхности воды в пруду. Она начала выбирать перья из его волос. Густые шелковистые пряди щекотали ей пальцы.

Подавшись вперед, Свифт потянулся к ее волосам, выбившимся из шпилек. Его ловкие пальцы нежно освобождали от пуха ее черные локоны.

Пару минут оба молча занимались этим. Дейзи так сосредоточилась на своем деле, что об интимности ее позы сначала даже не подумала. Впервые она была так близко, что увидела неоднородный цвет его глаз: кобальтовый ободок окружал сине-голубую радужку. Заметила шелковистость его загорелой кожи, темную тень на выбритом лице.

Дейзи сообразила, что Свифт умышленно избегает ее взгляда, сосредоточенно выбирая из ее волос крошечные перышки. Внезапно она осознала едва сдерживаемое притяжение их тел, его мощь, горячее дыхание Мэтью на своей щеке. Его одежда была мокрой, жар его тела опалял ее при каждом прикосновении.

Оба замерли в полуобъятии. В каждой клеточке тела Дейзи растекался живой огонь. Зачарованная, сбитая с толку, она позволила себе расслабиться, окунуться в это ощущение наперекор спешащему пульсу.

Все перья были собраны, но Дейзи поймала себя на том, что снова и снова нежно ныряет пальцами в темные волны волос Мэтью.

Ему так легко нависнуть над ней, прижать к влажной земле. Соприкосновение их коленей сквозь ткань одежды воспламеняло в ней первобытный инстинкт открыться ему, позволить ему делать все, что пожелает.

Она услышала, как у него перехватило дыхание. Взяв Дейзи за плечи, Свифт бесцеремонно сдвинул ее со своего колена. Шлепнувшись рядом с ним на траву, она пыталась собраться с мыслями. Молча Дейзи подняла с земли перочинный нож и отдала его Свифту.

Сунув нож в карман, он, не вставая, принялся очищать от перьев и грязи ноги.

Размышляя над тем, почему Свифт сидит в такой странной скрюченной позе, Дейзи поднялась на ноги.

– Пожалуй, мне лучше проскользнуть в дом с черного хода, – неуверенно сказала она. – Если мама увидит меня в таком виде, ее удар хватит.

– Я вернусь к реке, – хрипло сказал Свифт. – Посмотрю, как Уэстклиф управляется с моей удочкой. И может быть, еще порыбачу.

Сообразив, что он умышленно избегает ее, Дейзи нахмурилась.

– Думаю, вам уже сегодня хватит стоять по колено в холодной воде, – сказала она.

– Определенно нет, – пробормотал Свифт и, повернувшись к ней спиной, потянулся за одеждой.

Глава 5

Ошеломленная и рассерженная, Дейзи пошла прочь от пруда.

Она не собиралась никому рассказывать о случившемся, хотя с удовольствием повеселила бы Лилиан историей о стычке с гусем. Она не хотела признаваться, что увидела Мэтью Свифта с совершенно неожиданной стороны, позволила себе краткий миг флирта с опасным в своей привлекательности мужчиной. Это ничего не значит.

Хоть Дейзи и была невинной, она достаточно разбиралась в сексуальных делах, чтобы понимать, что тело может отреагировать и без участия сердца. Так Дейзи однажды ответила Кэму Рогану. То, что ее властно влекло к Мэтью Свифту, смущало и приводило в замешательство. Такие разные мужчины: один – романтический, другой – замкнутый и сдержанный. Красивый молодой цыган, взбудораживший ее воображение... и деловой человек с холодным взглядом,

амбициозный и прагматичный.

Дейзи годами наблюдала на Пятой авеню бесконечный поток стремящихся к могуществу мужчин. Им нужно совершенство: жена, которая будет лучшей хозяйкой дома, станет давать лучшие балы и приемы, носить самые лучшие платья, произведет на свет лучших детей, которые будут тихо играть в детской, пока их отец занимается делами в своем кабинете.

И Мэтью Свифт с его неумемной энергией, которого отец выбрал за талант и блестящий ум, будет самым требовательным и придирчивым мужем. Он захочет, чтобы жена всю свою жизнь подчинила его целям, и станет строго судить ее за оплошности. С подобным человеком нет будущего.

Но одно говорило в его пользу: он спас гуся.

К тому времени, когда Дейзи прокралась в дом, умылась и переоделась, ее подруги и сестра собрались в небольшой столовой за чаем. Когда Дейзи вошла в комнату, они сидели за круглым столом у окна.

Аннабелла прижимала к себе дочь, поглаживая ей спинку, чтобы успокоить. У других столов собрались главным образом женщины. Но было в комнате и с полдюжину мужчин, в том числе и лорд Сент-Винсент.

– Доброе утро, – весело сказала Дейзи, подойдя к сестре. – Как ты спала, дорогая?

– Замечательно. – Лилиан и впрямь прекрасно выглядела: глаза ясные, темные волосы убраны от лица и собраны в розовую сетку на затылке. – Я спала с открытым окном. Ветерок с озера так освежает. Ты ходила сегодня на рыбалку?

– Нет, – как можно небрежнее ответила Дейзи, – я просто гуляла.

Эви наклонилась к Аннабелле взять ребенка.

– Давай поддержи. – Малышка отчаянно сосала крошечный кулачок. – У нее, бедняжки, зубки режутся, – объяснила Эви.

- Она все утро капризничала, - сказала Аннабелла.

Дейзи заметила, что яркие глаза молодой матери выглядят усталыми. Усталость только подчеркнула ее красоту, смягчив божественное совершенство ее черт.

- А не рано у нее зубки режутся? - спросила Дейзи.

- Она Хант, - сухо ответила Аннабелла. - А Ханты - уникальные создания. Послушать моего мужа, так у него в семье все чуть ли не родились с зубами. - Она озабоченно посмотрела на маленькую Изабеллу. - Наверное, нужно унести ее отсюда.

На них не раз поглядывали неодобрительно. Не дело приносить детей, тем более младенцев, во взрослую компанию. Правила этикета строго предписывали продемонстрировать собравшимся облаченное в белые рюшечки и ленточки дитя и быстро отправить его в детскую.

- Чепуха, - тут же возразила Лилиан, не потрудившись понизить голос. - Изабелла ведет себя тихо и никому не мешает. Просто она немного возбуждена. Думаю, все могут проявить терпение.

- Давай снова попробуем ложку, - тихо проговорила Аннабелла, в ее голосе слышалась тревога. Вытащив серебряную ложку из чашки с колотым льдом, она объяснила Дейзи: - Моя мама это предложила. Она сказала, что моему брату Джереми это всегда помогало.

Дейзи села рядом с Эви, наблюдая, как девочка ухватилась за ложку. Круглое личико Изабеллы покраснелось, из глаз катились слезинки. Она хныкала и терла воспаленные десны. Дейзи сочувственно покачала головой.

- Ей нужно подремать, - сказала Аннабелла, - но она не может уснуть от боли.

- Бедняжка.

Пока Эви пыталась успокоить малышку, в другом углу возникла суета. Кто-то вошел в комнату, вызвав всеобщий интерес. Повернувшись в кресле, Дейзи увидела высокую фигуру Мэтью Свифта.

Так, значит, он не вернулся к реке. Выждав, когда Дейзи отойдет достаточно далеко, он направился к дому, чтобы не провожать ее.

Как и ее отец, Свифт находит ее недостойной интереса. Дейзи сказала себе, что это ее не волнует, но все же эта новость ее задела.

Свифт переоделся в прекрасно отутюженный костюм. Темно-серый жилет отливал сизым оттенком, черный галстук накрахмален и безупречно завязан. Хотя в Европе было модно отпускать бакенбарды и носить падающие свободными волнами локоны, похоже, этот стиль до Америки еще не добрался. Мэтью Свифт был безупречно выбрит, коротко подстриженные на висках и шее волосы придавали ему мальчишеский вид.

Дейзи украдкой наблюдала, как Свифта представляют собравшимся. Она видела удовольствие на лицах пожилых джентльменов, ревность молодых мужчин и кокетливый интерес женщин.

– Силы небесные, – пробормотала Аннабелла. – Кто это?

– Это мистер Свифт, – сердито проворчала Лилиан.

Эви и Аннабелла округлили глаза.

– Т-тот самый мистер Свифт, которого ты назвала мешком с костями? – чуть заикаясь, спросила Эви.

– Про которого ты сказала, что он похож на вялый шпинат?

Лилиан еще больше нахмурилась. Оторвав взгляд от Свифта, она положила в чашку кусочек сахара.

– Может быть, он и не так ужасен, как я описала, – согласилась она, – но не позволяйте внешности ввести вас в заблуждение. Когда вы узнаете его сущность, внешнее очарование исчезнет.

– Думаю, немало дам захотят познакомиться с его внешним и внутренним миром, – заметила Эви. Аннабелла, наклонившись над чашкой, фыркнула от смеха.

Оглянувшись через плечо, Дейзи увидела, что Эви права. Дамы вились вокруг Свифта, жеманно хихикая и протягивая руки для поцелуя.

– Вся эта суета из-за того, что он американец и, следовательно, им внове, – проворчала Лилиан. – Если бы здесь были мои братья, эти дамы тут же забыли бы о мистере Свифте.

Как Дейзи ни хотелось согласиться с этим утверждением, она была совершенно уверена, что братья не произвели бы такого эффекта, как Мэтью Свифт. Хотя братья Боумены и были наследниками огромного состояния, они не обладали тактичностью и ловкостью обращения, которые Свифт упорно воспитывал в себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Маргаритка (англ.).

2

И ты (Брут) (лат.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/kleypas_liza/vesenniy-skandal

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)